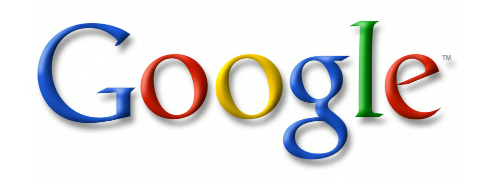

HDI
HL 1R0U Q

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

1⁰⁰

2 ll

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ,

ИЗБРАННОЙ

ОБЩИМЪ СОБРАНІЕМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ

16 января 1905 года,

по поводу событій 9—11 января.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ,

ИЗБРАННОЙ

ОБЩИМЪ СОБРАНІЕМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ

16 января 1905 года,

по поводу событій 9—11 января.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Печатано по распоряженію Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ.

Докладъ коммиссіи, избранной общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ 16 января 1905 года, по поводу событій 9—11 января.

9 января 1905 года на улицахъ Петербурга произошли событія, которыя взволновали все населеніе столицы и привлекли всеобщее вниманіе не только въ Россіи, но и во всѣхъ странахъ свѣта. Мирное рабочее движеніе, подготовлявшееся открыто, на глазахъ властей, и имѣвшее цѣлью подачу всеподданнѣйшаго прошенія Государю Императору, разрѣшилось неожиданными дѣйствіями вооруженной силы — стрѣльбою въ безоружныхъ обывателей въ разныхъ частяхъ города, причемъ въ числѣ сотенъ убитыхъ и раненыхъ оказались также женщины и дѣти. Такія же дѣйствія войскъ повторялись 10 и 11 января, при участіи полицейскихъ чиновъ.

Среди петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ естественно возникъ вопросъ о способахъ оказанія юридической помощи потерпѣвшимъ и ихъ семействамъ; вопросъ этотъ былъ тогда же внесенъ на обсужденіе общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ, которое постановленіемъ 16 января 1905 года поручило особой коммисіи изъ семи членовъ и двухъ къ нимъ кандидатовъ составить заключеніе о юридическихъ вопросахъ, возникающихъ изъ означенныхъ событій.

Приступивъ къ исполненію возложенной на нее задачи, коммисія считала своимъ долгомъ прежде всего выяснить фактическія обстоятельства дѣла на основаніи многочисленныхъ показаній лицъ, пострадавшихъ отъ дѣйствій военныхъ и полицейскихъ отрядовъ, а также заявленій свидѣтелей, бывшихъ ближайшими очевидцами такихъ дѣйствій.

I.

Какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, шествіе рабочихъ къ Зимнему дворцу, назначенное на 9 января, съ цѣлью подачи всеподданнѣйшаго прошенія, было организовано законно учрежденнымъ «Петербургскимъ Обществомъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ», оффиціальное открытіе котораго состоялось въ началѣ 1904 года, въ присутствіи градоначальника Фуллона. Это «общество рабочихъ» пользовалось особымъ покровительствомъ администраціи, такъ какъ оно было основано, между прочимъ, въ видахъ «отвлеченія рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды». Дѣлами Общества завѣдывалъ выборный комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ священникъ Георгій Гапонъ, получившій при бывшемъ Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве должность священника пересыльной тюрьмы. Общество имѣло свои отдѣлы или «собранія» въ главныхъ центрахъ фабрично-заводскаго населенія столицы; такихъ отдѣловъ, съ особыми выборными предсѣдателями изъ рабочихъ, насчитывалось всего одиннадцать. Въ декабрѣ 1904 года комитету Общества пришлось участвовать въ попыткахъ уладить возникшія недоразумѣнія между рабочими и администраціею Путиловскаго завода по случаю увольненія нѣсколькихъ рабочихъ, состоявшихъ членами мѣстнаго отдѣла Общества; попытки эти не имѣли успѣха, и общее, все болѣе распространявшееся броженіе среди рабочихъ, недовольныхъ тягостными условіями своего существованія, выразилось въ прекращеніи работъ на многихъ фабрикахъ и заводахъ Петербурга. «Въ виду того—какъ сказано въ правительственномъ сообщеніи отъ 10 января, напечатанномъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»,—что стачка не была соединена съ нарушеніемъ порядка, никакихъ репрессивныхъ мѣръ властями предпринимаемо не было»; многіе факты свидѣтельствуютъ и о томъ, что власти относились не только безучастно, но и поощрительно къ происходившему движенію среди рабочихъ.

По мысли священника Гапона, встрѣтившей единодушное сочувствіе во всѣхъ отдѣлахъ «Общества рабочихъ»,

рѣшено было подписать и подать на Высочайшее имя прошеніе или «петицію» съ подробнымъ изложеніемъ нуждъ рабочаго сословія и отчасти также всего трудящагося народа. Въ теченіе трехъ дней, съ 6 января, происходили значительныя публичныя сборища около помѣщеній, занимаемыхъ одиннадцатью отдѣлами вышеозначеннаго общества. Составленный священникомъ Гапономъ текстъ всеподданнѣйшей «петиціи» поочередно прочитывался въ собраніяхъ при каждой смѣнѣ присутствовавшихъ рабочихъ, послѣ чего собирались подписи.

Разъясненія собиравшимся рабочимъ по поводу отдѣльныхъ пунктовъ прошенія давались членами комитета Общества, а также иногда самимъ предсѣдателемъ, священникомъ Гапономъ. Участіе постороннихъ лицъ въ обсужденіи петиціи большею частью категорически отклонялось, и только въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, какъ, напр., въ Василеостровскомъ, допускались отступленія отъ этого общаго правила. Общія политическія ходатайства, изложенныя въ петиціи, относительно созыва народныхъ представителей путемъ «всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія», понимались большинствомъ рабочихъ въ томъ смыслѣ, что выборные отъ всего населенія должны участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, которыми не могутъ распоряжаться одни министры и чиновники.

На всѣхъ собраніяхъ условлено было, что 9 января рабочіе должны идти на Дворцовую площадь тихо и мирно, «съ голыми руками», оставивъ дома даже перочинные ножи (показаніе рабочаго Чудинова и др.), не допускать никакого шума и никакихъ столкновеній съ полиціею, уничтожать незаконные флаги, если бы таковые кѣмъ-нибудь выставлялись, и рвать листки съ прокламаціями; наблюденіе за порядкомъ поручено было выборнымъ депутатамъ, шедшимъ впереди, и при такомъ условіи предполагалось, что войска и полиція не будутъ имѣть повода къ вмѣшательству для устраненія безпорядковъ, о чемъ говорилось въ расклеенномъ по городу объявленіи градоначальника. По показанію одного изъ депутатовъ Петербургской стороны, послѣ расклейки объявленія отъ градоначальника депутаты рабочихъ ходили къ нему, чтобы выяснить въ ка-

*

кихъ случаяхъ будутъ дѣйствовать войска, и въ градоначальствѣ имъ объяснили, что предупрежденіе относится только къ нарушителямъ порядка, а въ мирную толпу стрѣлять не будутъ. И, дѣйствительно, такъ, повидимому, понималось и примѣнялось самими властями объявленіе градоначальника до 9 числа. Нигдѣ полицейская власть не заявляла рабочимъ о незаконности происходившаго движенія и не предлагала имъ расходиться ни въ предшествующіе три дня, ни съ утра 9 января. Самый текстъ всеподданнѣйшаго прошенія доставленъ былъ наканунѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ сообщеніемъ священника Гапона о предположенномъ шествіи къ Зимнему дворцу. Рабочіе, участвовавшіе въ этомъ движеніи, имѣли такимъ образомъ полное основаніе считать законнымъ и дозволеннымъ предпринятое ими мирное шествіе, организованное отчасти по образцу крестнаго хода.

Вслѣдствіе этого въ шествіи 9 января участвовало много женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ; семейные рабочіе отправлялись съ своими сыновьями и дочерьми (показанія столяра Афанасія Соколова и его дочери Маріи, раненыхъ на Троицкой площади, и др.). Настроеніе было торжественное, «религіозное»; случавшіеся личные споры и рѣзкія пререканія останавливались словами: «не такой сегодня день». Передъ началомъ шествія въ помѣщеніяхъ одиннадцати отдѣловъ Общества служили молебенъ, пѣли «Отче нашъ» и «Спаси, Господи, люди твоя». Шли «съ чистою душою, съ чистымъ намѣреніемъ», съ надеждою увидѣть Государя, чтобы—по выраженію одного изъ потерпѣвшихъ—«какъ дѣти выплакать на груди отца свое горе»; шли всѣ вмѣстѣ для того, чтобы подтвердить свою солидарность съ выбранными депутатами и узнать о принятіи или непринятія прошенія (показанія литейщика Винокурова, инструментальнаго рабочаго Мюнхенберга, рабочаго Соколова, столяра Щека и др). Если и допускалась возможность вооруженнаго нападенія войскъ, то только въ случаѣ какого-нибудь непредвидѣннаго безпорядка или незаконнаго дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, или по недоразумѣнію; ибо войска, по мнѣнію рабочихъ, выставлены были въ извѣстныхъ пунктахъ «для того, чтобы рабочіе не безобразничали», и, какъ видно изъ многихъ показаній, сами

рабочіе прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать непріятныхъ инцидентовъ. По пути полиція не только не мѣшала шествію, но сама давала дорогу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полицейскіе чины шли впереди, какъ при крестномъ ходѣ; въ другихъ мѣстахъ полиція совершенно отсутствовала; нигдѣ не было никакихъ предупрежденій, никакихъ уговоровъ или попытокъ вмѣшательства со стороны властей. По показанію пострадавшаго рабочаго желѣзопрокатнаго завода Ив. Павлова, за все время пути до Троицкой площади онъ «нигдѣ не встрѣтилъ хотя бы малѣйшаго намека на грозившую ему опасность, такъ что, идя съ чистою душою, имѣлъ полную надежду на свою безопасность, не имѣя даже и мысли подпасть подъ ружейные выстрѣлы». «Было вполнѣ легальное дѣло», какъ говоритъ въ своемъ показаніи потерпѣвшій столярный мастеръ Степанъ Васильевъ, и это общее убѣжденіе участниковъ шествія 9 января систематически подкрѣплялось и поддерживалось всѣмъ поведеніемъ властей съ 6 января до первыхъ столкновеній съ войсками.

По удостовѣренію врача больницы, находящейся за Нарвскими воротами, за два-три дня до 9 января на дверяхъ дома Общества рабочихъ вывѣшено было, написанное крупными буквами, объявленіе о томъ, что рабочіе должны явиться 9 января, чтобы отправиться съ крестнымъ ходомъ къ Его Императорскому Величеству Государю Императору для принесенія прошенія о своихъ нуждахъ. Объявленіе это никѣмъ снято не было, и никакого распоряженія отъ полицейской власти о томъ, что подача такого прошенія, собраніе для подачи его и самое шествіе съ крестнымъ ходомъ запрещены или не будутъ допущены, не послѣдовало.

Рабочіе рѣшились обратиться непосредственно къ Царю, въ виду того, что «ни фабричная инспекція, ни градоначальникъ ничего для рабочихъ по ихъ просьбамъ не сдѣлали», и что также безплодными оказались обращенія священника Гапона съ просьбами къ министрамъ, послѣ чего остался только одинъ путь всеподданнѣйшаго обращенія къ Государю.

II.

Въ различныхъ районахъ съ утра 9 января положеніе дѣлъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

По Нарвскому шоссе. Въ 10 час. утра собралась у Нарвскаго отдѣла «Петербургскаго Общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ» толпа тысячи въ четыре-пять. Часть ея отправилась за хоругвями и иконами къ Болдыревой дачѣ, въ которой помѣщается «Бесѣда» Общества трезвости. Сторожъ дачи выдалъ имъ иконы и хоругви, съ которыми толпа и вернулась къ Отдѣлу. У Отдѣла былъ и отецъ Гапонъ. Онъ спросилъ рабочихъ, нѣтъ ли у кого оружія и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказалъ: «Вотъ это и хорошо; мы безоружными пойдемъ къ нашему Царю». Приблизительно въ 12 часовъ шествіе тронулось. Впереди несли иконы, хоругви и нѣсколько портретовъ Царя и Царицы. Народъ двигался спокойно, «тихимъ шагомъ», съ обнаженными головами, съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди твоя». Всѣ участники шествія считали его ни чѣмъ инымъ, какъ крестнымъ ходомъ; такъ его и называютъ единогласно всѣ свидѣтели. Населеніе готовилось къ этому акту, какъ къ чему-то торжественному. Одна старуха, желая дать возможность сыну, мальчику лѣтъ 17, видѣть Царя, дала ему икону и поставила передъ толпою; мальчикъ былъ затѣмъ убитъ залпами солдатъ (показаніе рабочаго Филиппова). Крестнымъ ходомъ считала шествіе и сама полиція: почти отъ самаго помѣщенія Отдѣла ѣхало впереди толпы нѣсколько конныхъ городовыхъ, подвигавшихся медленно впередъ вмѣстѣ съ толпою. Впереди толпы шли съ обнаженными головами помощникъ пристава Жолткевичъ и околоточный Шорниковъ; они принимали мѣры къ охранѣ порядка, останавливали конку и заставляли встрѣчавшіеся экипажи сворачивать въ сторону, чтобы дать дорогу крестному ходу (показаніе рабочаго Михелева). И когда затѣмъ раздался залпъ, помощникъ пристава крикнулъ: «Что вы дѣлаете! Какъ можно стрѣлять въ крестный ходъ и портретъ Царя». По пути встрѣчались изрѣдка полицейскіе чины, которые, поровнявшись съ крестнымъ ходомъ, снимали шапки и крестились.

Когда толпа приблизилась шаговъ на 200—300 къ

Нарвскимъ воротамъ, на нее вдругъ со стороны Нарвскихъ воротъ бросился галопомъ, во весь опоръ и безъ всякаго предупрежденія, отрядъ конницы; впереди отряда скакалъ офицеръ съ шашкою на-голо. Толпа успѣла разступиться и никто въ этотъ моментъ не пострадалъ. Проскакавъ черезъ всю толпу, отрядъ затѣмъ повернулъ, и такимъ же аллюромъ поскакалъ назадъ къ Нарвскимъ воротамъ. Толпа опять сомкнулась и продолжала съ пѣніемъ двигаться по направленію къ городу. Въ оба раза ничего толпѣ сказано не было и никакого предупрежденія не было сдѣлано. Шаговъ за сто до воротъ вдругъ послышался со стороны воротъ звукъ трубы, который, впрочемъ, изъ-за пѣнія не всѣмъ былъ и слышенъ; и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ раздались залпы. Люди стали падать, часть толпы разбѣжалась, но за первымъ залпомъ послѣдовалъ второй, третій, падали уже люди бѣгущіе, падали успѣвшіе уже скрыться во дворахъ, ибо выстрѣлы направлялись и во дворы. Первый залпъ былъ направленъ въ животъ, второй—въ ноги, такъ что людей, упавшихъ отъ перваго залпа, уже лежачихъ, добивалъ второй залпъ.

Всѣ, безъ исключенія, свидѣтели сходятся въ томъ, что между звукомъ трубы и залпомъ не было никакого промежутка времени, такъ что, если бы толпа даже понимала значеніе игры на трубѣ и желала бы разойтись, то не было никакой для этого возможности. Доказательствомъ тому служитъ, между прочимъ, и то, что даже помощникъ пристава и околоточный, которые больше рабочихъ могли бы понимать значеніе сигналовъ на трубѣ, не убѣжали, и одинъ изъ нихъ былъ раненъ, а другой убитъ. Убиты были и старики, несшіе царскіе портреты. Когда упалъ первый изъ стариковъ, Лаврентьевъ, другой старикъ выхватилъ у него царскій портретъ и понесъ, но и онъ былъ тутъ же убитъ слѣдующимъ залпомъ. Умирая, старикъ говорилъ: «Хотя умру, но въ послѣдній разъ увижу Царя». Хоругвеносцу раздробило руку. Фонарь крестнаго хода несъ мальчикъ лѣтъ 10—11; послѣ перваго залпа онъ раненый упалъ; не выпуская фонаря изъ рукъ, онъ пытается подняться, но въ эту минуту (должно быть, подъ дѣйствіемъ второго залпа) вновь сваливается и черезъ нѣкоторое время умираетъ.

Во многихъ мѣстахъ не пускали бѣгущихъ во дворы; впрочемъ, даже успѣвшіе забѣжать во дворѣ этимъ не спаслись: войска, какъ сказано, стрѣляли и во дворъ, попадая даже въ людей, вовсе въ шествіи не участвовавшихъ. Свидѣтель Филинъ разсказываетъ, что «въ крестномъ ходѣ не участвовалъ; стоялъ во дворѣ своего дома и смотрѣлъ на шествіе; когда раздались выстрѣлы и на дворъ сталъ забѣгать народъ, войска безъ всякаго предупрежденія стали стрѣлять во дворъ». То же подтверждаютъ свидѣтель Галиновскій и другіе.

Пули попадали и въ окна домовъ и ранили находившихся внутри; такъ, въ ресторанъ «Ташкентъ» попало пять пуль и раненъ былъ половой, Яковъ Виноградовъ (его же показаніе); въ домъ № 6 по Новосивковской улицѣ попали три пули, причемъ раненъ крестьянинъ Якубовскій (его показаніе).

Стрѣляла армейская пѣхота, стоявшая на шоссе съ обѣихъ сторонъ Нарвскихъ воротъ; стрѣляли, повидимому, пачками (показаніе Михелева). Раненыхъ и убитыхъ не убирали; къ нимъ войска никого не подпускали и сами имъ помощи не оказывали. Черезъ нѣкоторое время стали ихъ сваливать на ломовыя сани и куда-то увозили.

Никакихъ иныхъ мѣръ разсѣянія толпы, кромѣ стрѣльбы, —напр., попытки разсѣять толпу, оцѣпить, арестовать—предпринимаемо не было.

Изъ гражданскихъ властей на мѣстѣ происшествія были упомянутые выше помощникъ пристава Жолткевичъ, околоточный Шорниковъ и нѣсколько конныхъ городовыхъ. Одинъ изъ свидѣтелей (Твороговъ) упоминаетъ еще о приставѣ Вербицкомъ, кричавшемъ будто-бы: «Негодяи, знали, куда шли; собакамъ собачья смерть». Но когда появился этотъ приставъ, каково было его отношеніе къ дѣйствіямъ войскъ,—неизвѣстно.

Врачъ Алафузовской больницы Дьячковъ, бывшій въ толпѣ у Нарвскихъ воротъ, излагаетъ свои впечатлѣнія въ подробномъ письменномъ показаніи, которое приводится здѣсь почти цѣликомъ:

«Что 9 января будетъ крестный ходъ къ Зимнему дворцу изъ-за Нарвскихъ воротъ, не составляло ни для кого секрета. Объ этомъ открыто говорили всѣ. За нѣсколько

дней до 9 января разсказывали, что дня за два, за три до 9 января на дверяхъ дома союза рабочихъ было вывѣшено писанное объявленіе, безъ подписи, крупными буквами приблизительно такого содержанія: «рабочіе должны явиться 9 января, чтобы отправиться съ крестнымъ ходомъ къ Его Императорскому Величеству Государю Императору для принесенія прошенія о своихъ нуждахъ». Объявленіе это никѣмъ снято не было. Также не было вывѣшено рядомъ съ нимъ никакого другого контръ-аншлага, изъ котораго видно было бы, что этотъ крестный ходъ не разрѣшается. Не помню, за день или за два дня до 9 января было расклеено на улицахъ города объявленіе отъ градоначальника, чтобы на улицахъ не происходило скопленій народа, такъ какъ въ противномъ случаѣ будутъ приняты законныя мѣры. По дорогѣ въ больницу я видѣлъ нѣсколько такихъ экземпляровъ на заборахъ до Нарвскихъ воротъ и одинъ изъ нихъ прочелъ. За Нарвскими же воротами и до самой больницы Алафузовской я не встрѣтилъ ни одного расклееннаго на заборахъ объявленія отъ градоначальника, хотя старательно и нарочно искалъ глазами. Это меня удивило. Объявленіе не было расклеено тамъ, гдѣ наиболѣе его слѣдовало бы расклеить. Въ недоумѣніи остался я отъ этого объявленія также и въ томъ отношеніи, что въ немъ ни слова не было сказано о предстоящемъ крестномъ ходѣ, хотя, конечно, полиція была о немъ освѣдомлена, разъ о немъ говорила вся столица. Простыхъ и понятныхъ словъ для народа, что въ случаѣ скопленія народа будутъ стрѣлять, убивать, въ объявленіи сказано не было; въ объявленіи была приведена неопредѣленная фраза, что будутъ съ толпой поступать по закону... У меня явилось такое впечатлѣніе, что будутъ разгонять народъ лошадьми, нагайками, вообще безкровнымъ путемъ, какъ это не разъ бывало при разогнаніи толпы силой съ Невскаго проспекта во время уличныхъ демонстрацій, къ несчастью появившихся за послѣдніе годы въ Петербургѣ. Очевидно, такъ же благодушно смотрѣлъ на это предупрежденіе и народъ, если и не весь, то большинство его, какъ это доказалъ день 9 января. Дѣйствительно, передавали такія рѣчи народа: «Стрѣлять не будутъ». «И батюшка говоритъ, что стрѣлять не будутъ. Вѣдь мы пойдемъ къ Царю и никого

трогать не будемъ». Основываясь на разныхъ слухахъ, слышанныхъ отъ разныхъ лицъ разговорахъ, я вывелъ мнѣніе, что народъ думалъ, если будутъ вызваны войска, то это на всякій случай, если бы кто сталъ безобразничать, хулиганить, выкидывать красные флаги и т. п. Но вѣрноподданному народу не приходило и на умъ заниматься такими преступными вещами, и потому общее настроеніе, убѣжденіе, судя по слухамъ, у народа было таково, что стрѣлять не будутъ, къ Царю допустятъ. Я даже слыхалъ такую версію, будто бы идущую изъ народа, что для выборныхъ изъ народа Царемъ будетъ приготовлено въ Зимнемъ дворцѣ парадное угощеніе, на 40 или на 60 человѣкъ. 9 января по обязанности службы утромъ, какъ всегда, пѣшкомъ я отправился въ Алафузовскую больницу. По сю сторону Нарвскихъ воротъ стояло много полиціи, двѣ роты армейскихъ солдатъ съ ружьями и эскадронъ конницы съ шашками и съ ружьями. Меня пропустили черезъ ворота свободно, ничего не сказали мнѣ, ни о чемъ не предупредили. Я замѣтилъ, что движеніе для всѣхъ черезъ Нарвскія ворота какъ въ одну, такъ и въ обратную сторону было безпрепятственно. Конка свободно ходила какъ до Нарвскихъ воротъ, такъ и за Нарвскія ворота. Солдаты стояли вольно, офицеры покуривали,—помню, одинъ солдатъ жевалъ хлѣбъ. Все это имѣло мирный видъ и нельзя было подумать о томъ, что́ случилось потомъ. За Нарвскими воротами по дорогѣ въ больницу Алафузовскую я встрѣтилъ возвращающагося изъ нея на извозчикѣ доктора К., съ которымъ я и раскланялся. Докторъ К. знакомъ съ помощникомъ частнаго пристава Жолткевичемъ. К. потомъ разсказывалъ мнѣ и другимъ врачамъ, что въ это время у Нарвскихъ воротъ онъ имѣлъ разговоръ съ Жолткевичемъ по поводу происходящаго. Жолткевичъ говорилъ ему, что теперь для полиціи тяжелое время, такъ много работы, больше, чѣмъ врачамъ на холерѣ. К. сказалъ Жолткевичу: «Почему же вы не остановите движеніе народа съ самаго начала, откуда пойдетъ крестный ходъ? Вѣдь могутъ быть несчастія, можетъ быть, будутъ стрѣлять въ народъ у воротъ». Жолткевичъ отвѣтилъ: «Намъ не приказано препятствовать движенію народа». К. и теперь не отказывается подтвердить, что такой разговоръ былъ. Придя въ боль-

ницу и осмотрѣвъ больныхъ, я пришелъ въ дежурную комнату напиться чаю. Въ это время вошли въ дежурную комнату врачи А. В. Быстровъ и М. І. Гимжевскій, которые отъ Нарвскихъ воротъ ѣхали на площадкѣ конки и видѣли весь крестный ходъ, о которомъ они и разсказали мнѣ и другимъ бывшимъ здѣсь врачамъ. Картина, по ихъ разсказу, была такова, что у меня, какъ у человѣка православнаго, преданнаго Самодержавному Государю, любящаго родную исторію и преданія старины о единеніи Самодержавнаго Царя съ преданнымъ Ему народомъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что стрѣлять не будутъ, стрѣлять не посмѣютъ. Народъ, по ихъ разсказу, шелъ съ непокрытыми головами, чинно, съ пѣніемъ «Спаси Господи люди твоя», съ хоругвями, съ портретомъ Государя. Шли, какъ идутъ дѣти къ Отцу, съ просьбой, съ любовью, съ преданностью къ Батюшкѣ Царю. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей я безопасно вышелъ изъ больницы и, не торопясь, пошелъ домой въ бодромъ настроеніи. Въ церквахъ шли обѣдни. Раздавался колокольный звонъ. Весело сіяло на небѣ солнышко, столь рѣдкое въ Петербургѣ зимой. Вдругъ я услыхалъ ружейную трескотню и тотчасъ же увидѣлъ бѣгущій въ страхѣ народъ, назадъ по Петергофскому шоссе. Я также бросился бѣжать обратно въ больницу. Надъ моей головой пролетѣла пуля, спугнувъ съ дерева птицъ. Тутъ я сильно испугался и побѣжалъ еще быстрѣе, уже согнувшись. Въ то время когда я бѣжалъ, раздалось нѣсколько ружейныхъ залповъ. Вслѣдствіе этихъ залповъ во время уже бѣгства народа у меня мелькнула мысль, не гонятся ли кавалеристы, не стрѣляютъ ли въ догонку, и ужасъ обуялъ мое сердце. Надо мной, согнутымъ, пролетѣла вторая пуля со свистомъ. Я вбѣжалъ въ больницу, сбросилъ пальто, вбѣжалъ въ дежурную комнату, запыхавшись и дрожащимъ голосомъ сталъ говорить, что стрѣляютъ. Мнѣ не повѣрили сразу,—такъ это всѣхъ озадачило. Врачи выбѣжали на крыльцо больницы и убѣдились, что народъ въ страхѣ бѣжитъ обратно по всѣмъ переулкамъ. Врачи вернулись въ больницу. Вскорѣ начали доставлять въ больницу убитыхъ и раненыхъ. Дежурный врачъ Янушевичъ не могъ подавать помощи, будучи крайне потрясенъ, и самъ свалился въ кро-

вать. Однимъ изъ первыхъ принесли раненаго помощника частнаго пристава Жолткевича и убитаго околодочнаго. Я перевязалъ Жолткевича. Руки мои тряслись отъ волненія, къ горлу что-то подступало, я едва удержался отъ рыданій. Первыхъ двухъ-трехъ раненыхъ перевязалъ я. Потомъ начали работать и другіе врачи. Изъ нихъ докторъ И. П. Дедюринъ вслѣдствіе необычайнаго волненія не могъ совсѣмъ перевязывать, а докторъ Н. А. Ивановъ, насколько я замѣтилъ, только вначалѣ перевязывалъ, а потомъ отъ потрясающихъ сценъ потерялъ силы продолжать перевязки. Ихъ производилъ я, Быстровъ, Александровъ, Гимжевскій. Картина была ужасная. Со всѣхъ сторонъ слышенъ стонъ. Мы перевязывали. Священникъ причащаетъ, читая отходную. Нѣкоторые умерли во время перевязки. Живые лежали рядомъ съ мертвыми. Кто не могъ креститься раненой рукой, крестился лѣвой. Одинъ умеръ на рукахъ у меня, перекрестившись и сказавъ: «Царь насъ оставилъ». Когда перевязки кончились, я сталъ впрыскивать камфорное масло всѣмъ, у кого находилъ пульсъ слабымъ, и при этомъ утѣшалъ, говоря что «вотъ я впрысну, а вамъ станетъ отъ этого лучше; слава Богу, что въ живыхъ остались: ничего, поправитесь». Раненые же говорили мнѣ со стонами: «Охъ, куда мы пойдемъ, лучше бы умереть. О, Господи, какъ тяжело». Другой врачъ, послѣ окончанія перевязокъ, обходилъ всѣхъ и впрыскивалъ морфій тѣмъ, у кого были невыносимыя боли. Раны были въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ тяжелыя, все въ грудь, въ животъ, въ голову, рѣже въ конечности. У многихъ было по нѣсколько ранъ. Были раны въ видѣ небольшого кружка, были и сильно развороченныя раны. У весьма многихъ были несомнѣнные признаки, указывавшіе, что раны произведены были на близкомъ разстояніи. По больничнымъ правиламъ имущество поступающихъ въ больницу принимается отъ нихъ на храненіе, обязательно у всѣхъ. Поэтому у всѣхъ больныхъ и убитыхъ было обыскано платье, карманы и проч. Сдѣлано это было и на случай могущихъ возникнуть претензій, что у кого-нибудь что-нибудь пропало во время сутолоки. И вотъ оказалось, что ни у кого не нашлось никакого оружія, даже камня не было найдено ни въ одномъ карманѣ. Не помню отъ кого,

отъ врачей или отъ фельдшера, или отъ раненыхъ во время перевязки или уже послѣ нихъ, но я слыхалъ, что стрѣляли въ лежащихъ людей, въ стоящихъ на колѣняхъ. Тутъ же я слыхалъ, не помню отъ кого, и разсказъ о раненомъ помощникѣ частнаго пристава Жолткевичѣ такого содержанія. Когда конница разступилась и за ней оказалась пѣхота съ наведенными на толпу ружьями, то Жолткевичъ, который въ это время стоялъ въ первыхъ рядахъ толпы и увидѣлъ, что хотятъ стрѣлять, поднялъ кверху руку и закричалъ: «Полковникъ, подождите». Въ это время раздался залпъ. Одна пуля попала въ Жолткевича, въ грудь. Онъ имѣлъ еще силы повернуться лицомъ къ народу и хотѣлъ ему закричать, чтобы расходились, но въ это время раздался второй залпъ и вторая пуля попала въ Жолткевича. Онъ упалъ. Будто бы такъ Жолткевичъ разсказывалъ кому-то о своихъ ранахъ. Раны Жолткевича и околоточнаго приводили меня къ убѣжденію, что они убиты войсками. Того же мнѣнія держался и главный врачъ больницы Е. А. Гоганъ. Около 3 часовъ дня я уѣхалъ въ этотъ ужасный день изъ больницы. На другой день я дежурилъ въ Алафузовской больницѣ. Ко мнѣ явился фотографъ съ письменнымъ предписаніемъ отъ градоначальника допустить его снять убитыхъ, что̀ и было исполнено. Я отправился съ нимъ въ покойницкую. Трупы въ ней были повалены въ кучу, такъ какъ покойницкая въ больницѣ небольшая. Было 34 трупа. Впечатлѣніе было ужасное. Ноги одного покойника лежали рядомъ съ головой другого. Рядомъ съ мужчинами — женщины. На полу лужи крови изъ ранъ. Лица, искаженныя ужасомъ, страданіемъ, почернѣлыя. На груди записка съ фамиліей у тѣхъ, кого опознали. Тутъ я призналъ нѣкоторыхъ вчера перевязанныхъ еще,—однихъ уже безнадежныхъ, другіе изъ нихъ еще вчера съ надеждой и мольбой во взглядѣ спрашивали, останутся ли живы, другіе просили вчера облегчить имъ страданія... Теперь всѣ вы тутъ, еще вчера не чаяли смерти, а сегодня уже васъ нѣтъ... Вернувшись въ дежурную комнату, я не могъ уже сдержать свои рыданія, бросился въ постель, уткнулся въ подушку и долго плакалъ. Вечеромъ, при воспоминаніи о всемъ видѣнномъ, я опять разрыдался... (Членъ «Русскаго Собранія», врачъ Алафузовской больницы Дьячковъ).

III.

На Шлиссельбургскомъ трактѣ. Того же 9 января, въ 9 час. утра, толпа рабочихъ въ количествѣ отъ 5 до 10 тысячъ (показанія свидѣтелей относительно числа рабочихъ расходятся) двинулась по Шлиссельбургскому шоссе по направленію къ городу, съ предсѣдателемъ мѣстнаго отдѣла общества рабочихъ (рабочимъ Петровымъ) во главѣ. Въ толпѣ были и женщины, и дѣти, Толпа шла сплоченно, заполняя всю улицу. Шли мирно, въ приподнятомъ настроеніи, съ увѣренностью, что ихъ допустятъ къ Государю «какъ дѣтей къ отцу» (такъ показываютъ рабочіе). Толпа дошла до Шлиссельбургской пожарной части. Здѣсь навстрѣчу вышелъ приставъ Бобушевичъ и выѣхалъ казачій полковникъ (на сколько можно было выяснить, Атаманскаго казачьяго полка). Они потребовали остановиться. За ними стояла пѣхота, а за пѣхотой казаки.

Изъ толпы вышелъ предсѣдатель отдѣла рабочій Петровъ съ другими рабочими и вступилъ въ переговоры съ офицерами, объясняя имъ, что они идутъ «мирно, не нарушая никакого порядка, къ Царю». Офицеръ уговаривалъ, чтобъ уходили обратно, а то прикажетъ стрѣлять. Послѣ довольно продолжительныхъ разговоровъ, когда толпа подалась впередъ, раздалось три залпа, но холостыхъ. Толпа подалась еще впередъ, и тогда изъ-за пѣхоты выѣхали казаки и бросились на толпу, и стали махать шашками, чтобъ остановить движеніе толпы; при этомъ били шашками плашмя и остріемъ. Было ранено человѣкъ пять.

Толпа остановилась. Въ это время кто-то отворилъ ворота, ведущія съ Шлиссельбургскаго пр. на р. Неву. Толпа хлынула туда и пошла, разсѣявшись по Невѣ и по противоположному берегу, къ городу. Казаки ее не останавливали болѣе и не преслѣдовали.

На Петербургской Сторонѣ у Троицкаго моста. Рабочіе съ Петербургскей Стороны имѣли свой сборный пунктъ въ Гесслеровскомъ переулкѣ, у помѣщенія отдѣла своего общества; они шли по Каменноостров-

скому пр., къ Троицкому мосту; туда же направлялись рабочіе съ Выборгской Стороны, съ мѣста своего собранія въ Оренбургской ул.

Когда шествіе приблизилось къ площади у Александровскаго парка, въ первомъ часу дня, отъ войскъ (рота Павловскаго полка, потомъ Ревельскаго), стоявшихъ впереди Троицкаго моста, отдѣлился офицеръ, подошелъ къ толпѣ на 100 или 150 шаговъ, говорилъ что-то и замахалъ руками. Передніе ряды рабочихъ остановились, и навстрѣчу офицеру пошли три депутата для переговоровъ. Офицеръ сдѣлалъ имъ знакъ рукою, чтобы остановились, быстро пошелъ назадъ къ солдатамъ и, затѣмъ, отбѣжалъ въ сторону на тротуаръ; за нимъ пошли и депутаты, послѣ чего по знаку офицера раздались выстрѣлы. Всего было три залпа, одинъ за другимъ.

Почти всѣ многочисленныя показанія потерпѣвшихъ сходятся въ томъ, что никакого предупрежденія о стрѣльбѣ не было, а если было, то никто въ толпѣ его не слыхалъ; депутаты не успѣли еще вернуться къ своимъ, какъ послѣдовали выстрѣлы. Полиціи вовсе не было на мѣстѣ, и никто не предлагалъ толпѣ разойтись.

Одинъ свидѣтель, бывшій въ числѣ депутатовъ, разсказываетъ, что офицеръ закричалъ имъ: «Не ходите, а то буду стрѣлять!» Всѣ остановились; депутаты, шедшіе впереди, опустились на колѣни; они показывали свои руки и выворачивали карманы въ доказательство того, что они совершенно безоружны. Когда офицеръ снова подошелъ, взялъ бумагу у одного изъ депутатовъ и повелъ его за собою, то толпа двинулась впередъ, думая, что рѣшено пропустить, но вслѣдъ за тѣмъ солдаты выстрѣлили. По другимъ показаніямъ, рабочіе спокойно стояли въ ожиданіи, что ихъ пропустятъ послѣ объясненія депутатовъ съ офицеромъ, и въ это время многіе были убиты и ранены (около 100 раненыхъ, убитыхъ 48) (показанія вдовы убитаго слесаря Завьялова, работницы на швейной фабрикѣ Чириковской, портнихи Мельцеръ, наборщика Ждановича и др.). По словамъ рабочихъ Червякова, Павлова и другихъ, выстрѣлы были сдѣланы послѣ того, какъ вся толпа по знаку офицера остановилась. По показанію столяра Щека и рабочаго Лебедева, «офицеръ только махнулъ

платкомъ, и начали стрѣлять»; стрѣляли «безостановочно съ промежутками». «Все это совершилось чрезвычайно быстро», говоритъ ремесленникъ М., и толпа, когда увидѣла, что будутъ стрѣлять, если бы и захотѣла, не имѣла возможности разбѣжаться, отчасти вслѣдствіе недостатка времени, отчасти вслѣдствіе сильнаго скопленія народа по всему Каменноостровскому проспекту, отъ моста до Большого проспекта.

Когда люди разбѣжались, то слѣва, съ Дворянской улицы, понеслись за ними въ догонку конные солдаты и рубили бѣгущихъ шашками; многіе искали спасенія въ прилегающихъ домахъ, но командовавшій офицеръ велѣлъ закрывать ворота и не пускать туда публику (показанія рабочаго Жданова и слесаря Крика).

Дѣйствія воинской силы продолжались съ большой энергіей, когда цѣль была достигнута и толпа отхлынула отъ Троицкаго моста. Рабочій Михаилъ Васильевъ показалъ, что получилъ четыре удара шашкой въ голову и въ обѣ руки, когда шелъ изъ церкви Петропавловской крѣпости черезъ площадь; онъ «не участвовалъ въ шествіи и находился тамъ случайно; стрѣльбы уже не было и толпа отчасти разсѣялась; народъ стоялъ кучками; вдругъ совершенно неожиданно налетѣла конница и начала бить шашками безъ всякаго предупрежденія». Прусскій подданный Мартинатъ былъ раненъ шашкой по головѣ, съ разсѣченіемъ темени; «конные солдаты (конногвардейцы?) мчались въ карьеръ съ обнаженными шашками; онъ упалъ отъ полученнаго удара, а солдаты били лежачаго шашками и изрубили спину его пальто». Слесарь Масленниковъ «былъ сбитъ съ ногъ ударами шашки, а когда уже лежалъ, былъ вторично раненъ въ плечо».

Всѣ убитые и раненые на Петербургской Сторонѣ подбирались товарищами или лицами изъ публики, безъ всякаго участія военныхъ и полицейскихъ властей; по свидѣтельству извозчика Ресина, находившагося на излѣченіи въ больницѣ, полиція даже будто бы запретила отвозить раненыхъ въ больницу подъ угрозой штрафа отъ 5 до 10 р.; однако, «извозчики возили даромъ, жалѣя народъ». Публика останавливала частные экипажи для перевозки раненыхъ. Во многихъ мѣстахъ послѣ стрѣльбы толпа нападала на

отдѣльныхъ встрѣчавшихся офицеровъ, стаскивала ихъ съ экипажей, отнимала оружіе, а иногда подвергала ихъ насиліямъ. Такія нападенія на военныхъ повторялись въ разныхъ пунктахъ послѣ того, какъ разнеслась по городу вѣсть о стрѣльбѣ. Въ то же время, пользуясь отсутствіемъ полиціи, стали открыто дѣйствовать «хулиганы» и громилы, разбивали и грабили магазины, но часто встрѣчали отпоръ со стороны рабочихъ. Такъ, по разсказу одного свидѣтеля, онъ при участіи товарищей успѣлъ отогнать грабителей, пытавшихся разбить колбасную лавку.

Васильевскій островъ. На Васильевскомъ островѣ рабочіе собирались по 4-ой линіи, около помѣщенія своего Общества, между Среднимъ и Малымъ проспектами; наканунѣ, съ утра 8 января въ этомъ мѣстѣ непрерывно стояла толпа, часто обновлявшаяся въ своемъ составѣ. Въ собраніи говорились рѣчи, выступали ораторы изъ мастеровыхъ и простыхъ рабочихъ. Въчастныхъ бесѣдахъ, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, высказывалось недовѣрчивое отношеніе къ «постороннимъ элементамъ» и считалось даже неудобнымъ или рискованнымъ «заступаться за студентовъ». Говорили также женщины-работницы. Пропѣвъ два раза «Отче нашъ» и выслушавъ послѣднія наставленія депутатовъ, рабочіе въ началѣ двѣнадцатаго часа чинно двинулись въ путь по направленію къ Набережной. Здѣсь оказались выстроенными войска поперекъ улицы, конные солдаты съ саблями наголо. Толпа приблизилась къ нимъ на разстояніи около 20 шаговъ и остановилась. Выступили впередъ депутаты съ бѣлыми платками и старались что то объяснить офицеру. Какъ разсказываетъ одна свидѣтельница, ученица Академіи Художествъ, наблюдавшая эту сцену изъ окна, рабочіе поднимали руки, показывая, что они безоружны, и усердно просили пропустить ихъ. Между тѣмъ по знаку офицера конница съ обнаженными шашками пустилась рысью въ толпу. Рабочіе быстро разступились, бросились на тротуары и пропустили отрядъ. Тогда выстроилась пѣхота и взяла ружья на прицѣлъ, но на этотъ разъ залпа не было. Конница направилась противъ людей, занимавшихъ тротуары, и размахивала шашками надъ ихъ головами; часть толпы была загнана въ переулки—Академическій и

Бугскій, гдѣ полиціей и солдатами производилась крутая расправа, а остальная масса рабочихъ постепенно отошла къ Среднему пр. и отчасти разсѣялась. За Среднимъ пр. рабочіе устроили баррикаду и загородили улицу телеграфными проволоками, что бы помѣшать нападеніямъ конницы. Потомъ солдаты стрѣляли, по показаніямъ свидѣтелей, безъ всякаго предупрежденія.

У Дворцовой площади. Близъ Дворцовой площади и у Александровскаго сада, къ двумъ часамъ дня 9 января изъ различныхъ частей города собралась значительная толпа народа: рабочихъ разныхъ фабрикъ, любопытныхъ, въ томъ числѣ и женщинъ съ малыми дѣтьми на рукахъ, и прохожихъ, которые, случайно попавъ въ толпу, не могли изъ нея выбраться. Всѣ они свободно шли къ этому мѣсту, не будучи останавливаемы и предупреждаемы, что на Дворцовую площадь и къ Александровскому саду нельзя проходить. На Дворцовой и Адмиралтейской площадяхъ были войска: конныя—кавалергарды и казаки—и пѣшія (Московскаго полка или Преображенскаго).

Большинство удостовѣряетъ, что толпа совершенно мирно стояла и никакихъ насильственныхъ дѣйствій противъ войскъ не совершала. Но слесарь Михайловъ, раненый у Зимняго дворца, показалъ, что рабочіе стащили одного офицера съ лошади и столпились вокругъ него.

По удостовѣренію всѣхъ, на мѣстѣ не было высшихъ чиновъ полиціи или другихъ гражданскихъ властей. Нѣкоторые изъ пострадавшихъ указываютъ на присутствіе городовыхъ и околодочныхъ надзирателей, которые не принимали мѣръ къ разсѣянію толпы и, вообще, никакихъ распоряженій не дѣлали.

Дѣйствіе оружіемъ со стороны войскъ послѣдовало между 2 и 3 час. дня (показанія относительно времени стрѣльбы не точны и колеблются въ этихъ предѣлахъ). Стрѣляли на Дворцовой площади въ направленіи къ Дворцовому мосту и мимо Александровскаго сада вдоль Адмиралтейской площади. Относительно стрѣльбы въ направленіи къ Дворцовому мосту упомянутый слесарь Михайловъ говоритъ, что послѣ того, какъ офицера стащили съ лошади, генералъ или полковникъ сталъ кричать три раза: «Если не разойдетесь, будемъ

стрѣлять»; далъ знакъ горнисту, и когда онъ проигралъ, сдѣлали два залпа. Другой очевидецъ, Спиридоновъ, говоритъ, что немолодой военный махалъ рукой, разгоняя народъ, а затѣмъ послѣдовали залпы. Этотъ же свидѣтель слышалъ команду стать на прицѣлъ,—но ему сказали, что сначала будетъ холостой залпъ, котораго, однако, не было. Рабочій Моховъ говоритъ, что предупрежденія о стрѣльбѣ были. Относительно стрѣльбы вдоль Адмиралтейской площади изъ показаній можно вывести заключеніе, что сначала конные отряды старались оттѣснить толпу, но она, уступая натиску, при возвращеніи войскъ, вновь, въ свою очередь, возвращалась (показаніе Королева и др.). Офицеры и солдаты предупреждали о томъ, что будутъ стрѣлять; но толпа этому мало вѣрила. По показанію Петунова, офицеру Московскаго полка, крикнувшему: «Расходитесь, будутъ стрѣлять», изъ толпы отвѣтили: «Мы подождемъ депутатовъ-товарищей, чтобы подать прошеніе Государю»; офицеръ говорилъ, что Государя нѣтъ въ Петербургѣ,—народъ отвѣчалъ, что Государь здѣсь, потому что флагъ на Дворцѣ, и всѣ продолжали стоять. Раздался чрезъ 3—4 минуты рожокъ и сейчасъ же 6 залповъ. Командовалъ стрѣлявшими солдатами офицеръ Московскаго полка, кажется, Я... Свидѣтель Комаровъ приблизительно также описываетъ переговоры толпы съ войскомъ, но указываетъ, что послѣ рожка черезъ 10—20 минутъ дали холостой залпъ, послѣ котораго толпа побѣжала назадъ. Ив. Королевъ показываетъ, что около половины второго часа дня конный отрядъ пронесся отъ Дворцовой площади по Адмиралтейскому, повернулъ обратно и спѣшился на площади вблизи Александровскаго сада; толпа на улицѣ разбѣжалась, а на панели осталась; послѣ этого заигралъ горнистъ на рожкѣ; первый рядъ кавалеристовъ сталъ на колѣни; сейчасъ же послѣдовалъ залпъ, которымъ Королевъ былъ раненъ. Раненымъ оказывали помощь и увозили ихъ въ больницы лица изъ публики. Полиція и войска помощи раненымъ не оказывали. Въ больницѣ, преимущественно Маріинской, опрошено 56 лицъ изъ числа раненыхъ на Дворцовой площади, въ Александровскомъ саду и близъ него. Ранены были люди, не находившіеся въ толпѣ: нѣсколько дѣтей, катавшихся на каткѣ въ Александровскомъ саду; нѣсколько лицъ, стояв-

шихъ за рѣшеткой сада и сидѣвшихъ на ней; одинъ, бывшій у фонтана, и даже одинъ рабочій, который шелъ по Благовѣщенской площади у Ксеніевскаго института. На рабочаго Бердянева, бывшаго на Дворцовой площади, все видѣнное имъ произвело такое впечатлѣніе, что вызвало буйное помѣшательство, вслѣдствіе котораго онъ помѣщенъ въ больницу Николая Чудотворца.

По Невскому проспекту и у Полицейскаго моста. По Невскому проспекту, между Полицейскимъ мостомъ и Знаменскою церковью, какъ усматривается изъ цѣлаго ряда показаній, до перваго часа дня 9 января свободно двигалась взадъ и впередъ обыкновенная публика, хотя и въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ другіе дни. Среди нея встрѣчались лишь небольшія группы такъ называемаго простонародья, повидимому, изъ рабочаго класса.

Употребленіе огнестрѣльнаго оружія, какъ единогласно удостовѣряютъ многочисленные очевидцы, имѣло здѣсь мѣсто послѣ часа дня.

Полнѣйшая неожиданность производившейся здѣсь стрѣльбы видна уже изъ того, что дефилированіе по Невскому проспекту не возбранялось полиціею. Публика—пѣшая и конная—свободно гуляла, начиная отъ Знаменья, вплоть до Полицейскаго моста. При такихъ условіяхъ и дальнобойности огнестрѣльнаго оружія стрѣльба являлась здѣсь чѣмъ-то совершенно необъяснимымъ.

Въ виду полной тождественности свидѣтельскихъ показаній, мы приводимъ лишь два изъ нихъ. Одно принадлежитъ воспитаннику высшаго учебнаго заведенія К., другое—прачкѣ А.

«9 января, около двухъ час. дня,—показалъ К.,—пообѣдавши у родственниковъ, живущихъ на Милліонной ул., я отправился къ себѣ на квартиру. Обыкновенной дорогой на квартиру были Дворцовая площадь, Морская, Вознесенскій проспектъ и пр.; но такъ какъ меня черезъ площадь не пустили, то я пошелъ другой дорогой, по Мойкѣ. Народу на Мойкѣ было очень много, но вели себя всѣ смирно: не было слышно ни противоправительственныхъ криковъ, ни революціонныхъ пѣсенъ и т. п. Несмотря на это, стоящіе на Пѣвческомъ мосту конногвардейцы, безъ всякихъ

положительно требованій разойтись, безъ всякихъ предупрежденій, руководимые своими офицерами, бросились съ обнаженными шашками на народъ и начали топтать и рубить. Скрыться или убѣжать было некуда, а потому всякій изъ толпы могъ быть израненъ или раздавленъ. На этотъ разъ я избѣжалъ пораненія благодаря только счастливой случайности: дворникъ, которымъ было приказано не пускать во дворъ никого, свеликодушничалъ и пустилъ меня въ комнатку. Въ 3 часа я прошелъ на Невскій пр. и потомъ на Морскую. На Морской и въ этой прилегающей къ ней части Невскаго народу было тоже много. Вызванная съ Дворцовой площади рота Московскаго полка потребовала разойтись подъ угрозой выстрѣловъ, хотя здѣсь также не было никакого нарушенія такъ называемаго «общественнаго спокойствія и порядка». Народъ подчинился требованію и разошелся въ разныхъ направленіяхъ. Я съ большинствомъ пошелъ по Невскому къ Полицейскому мосту. Сюда же за нами пришли солдаты Московскаго полка. Въ это время одинъ изъ толпы, обращаясь къ солдатамъ, произнесъ рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Братья! Вы собрались насъ, беззащитныхъ, разстрѣливать. Отдайте себѣ отчетъ, подумайте, кого и за что вы будете лишать жизни? Вашихъ же братьевъ, за то, что мы просимъ объ улучшеніи нашего быта. Многіе изъ васъ, нашихъ братьевъ, по окончаніи службы, поступите на такіе же заводы и будете также стремиться къ матеріальному и нравственному улучшенію» и т. д. Видимо, рѣчь, произнесенная горячо, произвела на солдатъ впечатлѣніе... Многіе, понуря голову, задумались и вздохнули... Въ это время офицеръ, также слушавшій эту рѣчь, разсвирѣпѣвшій, бросился на этого рабочаго и хотѣлъ его вытащить на середину улицы. Но товарищи не отдали его. Очевидно, сконфуженный тѣмъ, что не могъ достигнуть цѣли посредствомъ силы, офицеръ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ упоръ въ толпу. Одинъ изъ толпы (только не ораторъ) окровавленный упалъ. Но офицеръ, не ограничившись этимъ, приказалъ зарядить и скомандовалъ три залпа. Мы, стоящіе въ сторонѣ, не вѣрили, что выстрѣлы были произведены со снарядами, но сейчасъ же убѣдились, когда увидѣли груды израненныхъ и убитыхъ. Выстрѣлы эти были

произведены на Мойкѣ, по направленію къ Пѣвческому мосту. Боясь быть убитымъ, я быстро перешелъ Полицейскій мостъ, но на углу Невскаго у дома Строгонова встрѣтилъ знакомую даму и разговорился съ нею. Не прошло и 15 минутъ послѣ первыхъ выстрѣловъ, какъ на Полицейскомъ мосту раздался сигнальный рожокъ. Никто изъ толпы не зналъ значенія этого сигнала, и потому всѣ стояли и смотрѣли. Криковъ и нарушенія тишины здѣсь опять-таки не было. Толпа стояла отъ солдатъ, которые выстроились на Полицейскомъ мосту, на разстояніи болѣе 25—30 шаговъ. Вдругъ раздался залпъ и нѣсколько человѣкъ изъ толпы упало. Я, вмѣстѣ съ другими, побѣжалъ вдоль Невскаго, но раздался второй залпъ и меня скосило. Что происходило послѣ, я почти не помню. Вторая пуля ударила меня, вѣроятно, уже лежачаго. Раны мои—не особенно тяжелыя, потому что ни одна изъ пуль не раздробила кости. Вторая пуля осталась въ ногѣ, а первая, отъ которой я упалъ, прошла на вылетъ. О качествѣ пуль я судить не могу, потому что, во-1-хъ, я не спеціалистъ, а во-2-хъ, не видѣлъ даже своихъ ранъ. Говорятъ доктора, что выходъ пуль гораздо большій, чѣмъ долженъ бы быть».

Прачка А., находящаяся на излѣченіи въ больницѣ, показала слѣдующее: «Я шла 9-го января около $3^1/_2$ час. дня по дѣлу, по Мойкѣ на Малую Морскую, на счетъ работы. Отъ Пѣвческаго моста я не пошла подъ арку на Б. Морскую, потому что туда шла публика. Поэтому я пошла по набережной Мойки къ Невскому пр.; но когда я подошла къ воротамъ перваго отъ Невскаго дома, раздался съ Полицейскаго моста рожокъ и народъ побѣжалъ отъ Невскаго по набережной Мойки, но ворота этого дома были заперты. Въ тотъ же моментъ послѣ рожка, съ Полицейскаго моста выстрѣлили; народъ побѣжалъ, и я побѣжала къ открытымъ воротамъ 2-го отъ Невскаго дома, но я почувствовала, что меня ранило. Пуля попала мнѣ въ лопатку и вышла черезъ грудь на вылетъ. Кровь пошла у меня горломъ и черезъ эти раны. Меня внесли въ этотъ 2-й домъ; привели медицинскаго студента, одѣтаго въ форму, который перевязалъ мнѣ раны. Какая то барышня давала мнѣ глотать ледъ, потому что изъ горла шло много крови.

и эта барышня съ какимъ то мужчиной отвезли меня оттуда въ Маріинскую больницу.

«Докторъ говорилъ, что послѣ этого пораненія моихъ легкихъ мнѣ нельзя будетъ заниматься ни стиркой и глаженьемъ, ни, вообще, тяжелою работою. Мои платье и верхняя жакетка прострѣлены и залиты кровью; надѣтая на мнѣ шелковая косынка и шапка совсѣмъ пропали, такъ что на однихъ платьяхъ я потеряла около 20 р. Я не получила ни копейки пособія ни отъ кого. Выходное отверстіе пули толще одного пальца».

Суммируя имѣющіяся свидѣтельскія показанія, надлежитъ придти къ несомнѣнному заключенію, что ружейные залпы, при томъ безъ надлежащихъ интерваловъ, были произведены отъ Полицейскаго моста по направленію къ Знаменью, отъ того же моста по обѣ стороны р. Мойки, и у Городской Думы, вблизи Гостинаго Двора, въ періодъ времени отъ $1^1/_2$ до $4^1/_2$ час. дня. Отъ пуль гибли старики, женщины и дѣти. Встрѣчаются раненые нѣсколько разъ, напр., К. раненъ 7 пулями. Многочисленнымъ раненымъ не было оказываемо помощи со стороны военныхъ и гражданскихъ властей. Раненые и убитые подбирались сердобольными лицами изъ публики и увозились на извозчикахъ.

Но этимъ не ограничились кровавыя событія на Невскомъ пр. и на прилегающихъ къ нему улицахъ. Какъ видно изъ показаній цѣлаго ряда лицъ, они подверглись насиліямъ даже вечеромъ. М., служащій приказчикомъ въ магазинѣ «Жокей-Клубъ», на Невскомъ пр., д. № 40, въ 8 час. вечера 9-го января возвращался вмѣстѣ съ товарищемъ домой. «На Невскомъ пр.—показываетъ М.— было обыкновенное праздничное оживленіе. Дошли мы до Екатерининскаго сада. Въ это время, налетѣвшій сзади полуэскадронъ, кажется, лейбъ-драгуновъ, началъ бить шашками мирно гуляющую публику, состоявшую въ большинствѣ изъ женщинъ и дѣтей. Руководившій этимъ офицеръ, когда я бросился бѣжать, догналъ и ударилъ меня шашкой въ голову. Офицеръ, при ударѣ, крикнулъ: «бей ихъ! Они намъ съ утра надоѣли!» Когда я перебрался на другую сторону Невскаго, публика, увидѣвъ у меня кровь на лицѣ, перевязала мнѣ платками голову и

отвезла въ больницу». То же произошло въ 8 час. вечера на Невскомъ съ г. Б. и многими другими. Портниха Б., возвращавшаяся 9-го января, вечеромъ, съ работы, подверглась на углу Колокольной ул. нападенію со стороны коннаго патруля. Одинъ изъ солдатъ ударилъ ее нагайкою по лбу и настолько сильно повредилъ глазъ, что требуется операція.

Насилія со стороны органовъ власти продолжались и въ последующіе дни. Сынъ военнаго инженера, студентъ С. возвращался 11-го января, въ 8$^1/_2$ час. вечера, по Садовой ул., домой. На углу Невскаго его догналъ взводъ городовыхъ, человѣкъ въ 12, съ околоточнымъ надзирателемъ. «Когда городовые—разсказываетъ студентъ С.—поровнялись со мной, я увидѣлъ, какъ какой то солдатъ, гвардеецъ, безъ оружія, въ шапкѣ съ козырькомъ, бывшій, вѣроятно, вмѣстѣ съ ними, ударомъ кулака по лицу сбилъ съ ногъ шедшаго впереди меня господина (или переходившаго въ это время улицу, хорошо не помню), ударилъ его два раза сапогомъ въ спину и поворачивался уже, чтобы ударить несчастнаго сапогомъ въ лицо. Все это происходило при одобрительныхъ возгласахъ остановившихся городовыхъ: «Молодецъ Преображенецъ! Бей его!» Я и другіе прохожіе невольно закричали солдату: «что ты дѣлаешь?», при чемъ я бросился къ нему (это было у самой панели). Солдатъ, увидя форму, попятился назадъ и даже вытянулся, чѣмъ успѣла воспользоваться его жертва, чтобы скрыться. Въ это время одинъ изъ городовыхъ подошелъ ко мнѣ и ударилъ меня по лицу со словами: «Тебѣ что здѣсь надо?» Солдатъ, видя, что и этого можно бить, набросился на меня и посыпался градъ ударовъ отъ него и городовыхъ. Послѣдніе схватились за шашки и кричали: «зарубимъ!» Студентъ С. насилу спасся въ магазинѣ бр. Зайцевыхъ.

Таковы событія въ районѣ Невскаго пр.; днемъ, 9-го января, безъ всякаго законнаго повода стрѣляли, вечеромъ—рубили, а въ слѣдующіе два дня просто били.

IV.

Позднѣйшія дѣйствія войскъ и полиціи на Петербургской сторонѣ и на Васильевскомъ островѣ.

Сверхъ массовыхъ нападеній войскъ на толпы рабочихъ въ день 9 января, происходилъ позднѣе, какъ упомянуто уже выше, цѣлый рядъ отдѣльныхъ вооруженныхъ нападеній, не имѣвшихъ уже никакой связи съ волненіями рабочихъ, причемъ заодно съ войсками дѣйствовали отряды низшихъ полицейскихъ чиновъ. Такъ, на Петербургской сторонѣ, вечеромъ того же 9 января, по Большому проспекту, когда никакого скопленія народа тамъ не было, отрядъ городовыхъ съ обнаженными шашками внезапно появился изъ-за угла Введенской ул. и сталъ избивать всѣхъ случайно находившихся на улицѣ людей «безъ малѣйшаго повода и безъ всякаго предупрежденія», какъ единогласно свидѣтельствують пострадавшіе: приказчикъ Семеновъ, раненый шашкой по лицу граверъ Николай Ивановъ, которому разрублена челюсть; торговецъ Абашевъ, раненый городовымъ на углу Большого пр. и Рыбацкой, когда бѣжалъ отъ конницы вмѣстѣ съ другими; извозчикъ Иванъ Свекланъ. столяръ Тимоѳей Леонтьевъ, ни въ чемъ не участвовавшій и до вечера не выходившій изъ дому. По словамъ послѣдняго, онъ шелъ одинъ позади городовыхъ; было пусто, только вдали у Тучкова моста, виднѣлась толпа; онъ получилъ неожиданно ударъ шашкой по рукѣ, причинившій поврежденіе кости. Тамъ же нанесены раны въ голову и лицо двумъ дворникамъ, Андрею Фадѣеву и Федору Милешину, причемъ не выяснено, кто наносилъ раны—городовые-ли, или солдаты. Торговецъ Суминъ былъ раненъ въ голову, пришелъ въ больницу въ полномъ сознаніи, но на другой день скончался. Эти нападенія полицейскихъ чиновъ, насколько можно судить по имѣющимся показаніямъ, совершались неоднократно въ теченіе всего вечера съ 8 часовъ до 11 или $11^1/_2$ ч., иногда при содѣйствіи дворниковъ и солдатъ. Такъ, студентъ университета Платонъ Семеновъ заявляетъ въ своемъ показаніи, что, идя по Ижорской улицѣ къ Большому пр., увидѣлъ отрядъ городовыхъ; послѣ ихъ

окрика онъ пытался убѣжать, но былъ сшибленъ съ ногъ дворниками; его настигли и били, а когда онъ поднялся и побѣжалъ, то опять за нимъ погнались, поймали его на Маломъ пр., повалили и били, потомъ повели къ околоточному надзирателю, находившемуся на Большомъ пр. противъ Ижорской, и отсюда отправили его въ участокъ, гдѣ приставъ отпустилъ его; кромѣ многихъ кровоподтековъ, онъ получилъ двѣ легкія раны въ голову и ушибъ кисти лѣвой руки. По показанію студента Технолог. Инст. Александра Судакова, онъ вышелъ изъ дома съ сестрой проводить брата въ кадетскій корпусъ, около 8 ч. вечера, по Большому пр. Вдругъ, съ другой стороны улицы бросился отрядъ городовыхъ съ крикомъ: «держи, бей!». Его стали бить, стащили на середину улицы, повалили и продолжали бить, одинъ замахнулся шашкой, но вмѣшался помощникъ пристава или околоточный и прекратилъ расправу.

Вооруженныя нападенія на публику и на отдѣльныхъ лицъ приняли особенно рѣзкій характеръ 11 января. По Большому пр. близъ Введенской ул., въ 4-омъ часу дня, вагонъ конно-желѣзной дороги былъ остановленъ и окруженъ коннымъ отрядомъ (уланъ или драгунъ) на томъ основаніи, что сидѣвшій на имперіалѣ молодой рабочій громко назвалъ будто бы проѣзжавшихъ солдатъ «опричниками». По командѣ офицера отрядъ потребовалъ, чтобы всѣ слѣзли, съ угрозами «зарубить»; виновный рабочій сошелъ добровольно; но когда онъ еще сходилъ по ступенькамъ, его начали рубить шашками одновременно трое или четверо солдатъ; въ то же время появилось много городовыхъ, съ полицейскимъ офицеромъ. Сошедшій съ имперіала другой рабочій сталъ что-то говорить офицеру, заступаясь за товарища, но получилъ въ отвѣтъ ударъ шашкой по головѣ, послѣ чего городовые набросились на него и забили до смерти. Этотъ фактъ удостовѣренъ подробными письменными показаніями двухъ свидѣтельницъ, Шатровской и Разумовой, находившихся на имперіалѣ того же вагона конки; одна изъ нихъ, удалившись отъ мѣста происшествія, видѣла потомъ, что откуда-то доставлено было два гроба, въ которые и уложены были трупы обоихъ рабочихъ. Другой случай остановки конки съ цѣлью расправы произошелъ у Б. Зелениной ул.; купецъ С. замѣтилъ изъ окна своего магазина, что конные

солдаты съ офицеромъ окружили остановленный ими вагонъ и заставили всѣхъ сойти, а потомъ начали кого-то бить шашками. С. не выдержалъ, вышелъ на тротуаръ и обратился къ солдатамъ съ укорами, но на него набросились и ударили шашкой по головѣ. Городовые и какой-то штатскій повалили его на землю; однако, обладая большой силой, онъ вскочилъ на ноги и спасся въ магазинъ; за нимъ ворвались четверо солдатъ; онъ успѣлъ спрятаться около чернаго хода; тѣ пошарили и ушли, а городовые съ околоточнымъ искали его во дворѣ. С. больше мѣсяца лечился послѣ этого въ больницѣ. Того же 11 января, около 5 ч. дня, студентъ университета Рудницкій шелъ съ своей квартирной хозяйкой Лаптевой по Большому пр., гдѣ никакой толпы не было, а шли только рѣдкіе прохожіе; въ это время промчался отрядъ уланъ, занимая и тротуары; онъ прижался къ стѣнѣ, но офицеръ закричалъ: «бей ихъ всѣхъ, рѣжь»; онъ пытался убѣжать, но за нимъ погнались и затѣмъ онъ былъ схваченъ городовыми, его повалили на земь, нанесли шашкой рану по кисти правой руки съ поврежденіемъ сухожилій, и тогда его оставили.

На Васильевскомъ островѣ, послѣ того, какъ шествіе рабочихъ прекратилось и самая толпа уже разошлась, начались энергическія дѣйствія войскъ и полиціи противъ публики, проходившей или стоявшей на улицахъ. Вечеромъ 9 января и до поздней ночи доставлялось въ ближайшія больницы множество раненыхъ съ Малаго проспекта, гдѣ побоище происходило и въ слѣдующіе дни. По показаніямъ свидѣтелей, солдаты били всѣхъ безъ разбора, въ томъ числѣ иногда и дворниковъ, дежурившихъ у воротъ по обязанностямъ службы. Такъ, мѣщанинъ Петръ Коробовъ младшій дворникъ одного изъ домовъ 12-й лин., расхаживая около своего дома, услышалъ шумъ на Маломъ пр., а когда пошелъ по направленію къ проспекту, то вдругъ на него напали два конныхъ солдата съ обнаженными шашками и стали наносить удары по головѣ; онъ отбѣжалъ къ своему дому, чтобъ скрыться въ парадномъ подъѣздѣ, но ему загородили дорогу и заставили бѣжать въ другую сторону, упорно гнались за нимъ и били по чемъ попало. Онъ добѣжалъ до Малаго пр., увидѣлъ налѣво солдатъ и около нихъ кучу лежавшихъ и стоявшихъ ра-

бочихъ, тотчасъ бросился къ нимъ, надѣясь на помощь, но его встрѣтили ударами, били ружейными прикладами и кулаками. «Отъ солдатъ пахло водкой; они ходили вездѣ и гдѣ кто идетъ, того били и клали въ кучу, а кто пошевельнется, того ударяли прикладомъ ружья; а если кто идетъ и на окрикъ не остановится, въ того стрѣляли. Когда больше никого не было видно на улицѣ, то всѣмъ велѣли встать, принесли телеграфной проволоки, перевязали всѣхъ по два человѣка одной проволокой и такъ крѣпко, что руки рѣзало; затѣмъ погнали, ударяя заднихъ по затылку, чтобъ не отставали. Привели въ подвалъ кадетскаго корпуса, гдѣ сдѣлали раненымъ перевязку и записывали фамиліи». Потерпѣвшій заявилъ офицеру, что онъ дворникъ и задержанъ, вѣроятно, по ошибкѣ; тотъ записалъ только нумеръ его дома и оставилъ его тутъ же; всѣхъ погнали въ Спасскую часть, гдѣ Петръ Коробовъ опять заявилъ смотрителю о своемъ званіи дворника; ему велѣли написать прошеніе градоначальнику; онъ написалъ и передалъ, но отвѣта не было; выпустили его съ другими 84 человѣками только черезъ три недѣли, при чемъ прочитана была бумага отъ градоначальника со спискомъ задержанныхъ лицъ; въ бумагѣ сказано было, что за несоблюденіе обязательнаго постановленія градоначальника о незаконныхъ сборищахъ назначенъ былъ имъ всѣмъ арестъ на три недѣли, который они и отбыли, хотя Петръ Коробовъ, подобно многимъ другимъ, былъ схваченъ въ одиночку когда никакихъ сборищъ и не было. Съ тѣхъ поръ Петръ Коробовъ остался съ семействомъ безъ мѣста и безъ занятій.

Другіе случаи въ такомъ же родѣ: Степанъ Ждановъ по 14-й лин., вышелъ изъ воротъ дома за кипяткомъ, увидѣлъ, что несутся казаки, спрятался съ другими за ворота; одинъ изъ казаковъ выстрѣлилъ и попалъ ему въ нижнюю челюсть. Рабочій Павелъ Боровой, по 11-й лин., стоялъ у воротъ своего дома вмѣстѣ съ другими, когда появился съ Малаго пр. разъѣздъ казаковъ; всѣ бросились во дворъ, одинъ Боровой остался на улицѣ; казаки наѣхали на него, ударили его шашкой или нагайкой по глазу, онъ свалился, его подняли, нанесли опять ударъ въ голову прикладомъ, проломивъ високъ, а затѣмъ повели къ Малому пр., гдѣ у

14-й линіи онъ увидѣлъ «кучу» сваленныхъ другъ на друга людей, которыхъ охраняли солдаты; его бросили въ эту кучу, причемъ ранили еще шашкой въ щеку. Потомъ «всю эту кучу» подняли, въ числѣ 27 чел., и погнали въ Спасскую часть, гдѣ его продержали три недѣли. Въ шествіи рабочихъ онъ не участвовалъ и о петиціи не зналъ; находился совершенно случайно на улицѣ. Степанъ Петровъ стоялъ около своего дома на Маломъ пр., у 15-й линіи, 9-го января, въ 11-мъ часу вечера, когда неожиданно налетѣли казаки и нанесли ему шашками три удара по головѣ; одна рана проникаетъ до мозговыхъ оболочекъ. Евдокія Петрова, прислуга 15 лѣтъ, у 12-й линіи ранена шашкой въ голову. Иванъ Сулинъ, получилъ рану въ голову; на другой день онъ скончался. Павлу Пулыгину отсѣкли шашкой лѣвое ухо. Егору Коровину разрубили кисть лѣвой руки. Николай Дроздовъ раненъ шашкой близъ Черной рѣчки. Работникъ химической фабрики Егоръ Пантюшкинъ поздно вечеромъ направлялся къ воротамъ своего дома по Малому пр.; подъѣхали два казака, велѣли остановиться и одинъ ударилъ его шашкой по головѣ; онъ «промучился двѣ недѣли въ больницѣ; на фабрику обратно не принимаютъ». Домовладѣлица Агрипина Х. видѣла, что казаки съ обнаженными шашками гнались за студентомъ, который бѣжалъ по 9-ой линіи со стороны Малаго пр.; студентъ пытался скрыться въ подъѣздъ, но его оттуда извлекли и начали бить шашками и кулаками, причемъ ему была разрублена рука; затѣмъ его потащили «въ участокъ, все время нанося удары». Около того же времени, по словамъ означенной г-жи Х. и другой свидѣтельницы Ольги А., какіе-то «подонки общества», не мастеровые и не рабочіе, открыто грабили часовой магазинъ по 8-й линіи. Подъѣхавшій казачій разъѣздъ не обратилъ на отбѣжавшихъ грабителей никакого вниманія, а напалъ на двухъ рабочихъ, проходившихъ по серединѣ улицы; казаки жестоко избили ихъ нагайками и ускакали; одинъ изъ пострадавшихъ «поползъ на животѣ, а другой ушелъ кое-какъ, держась за стѣну»; между тѣмъ, «личности, грабившія лавку, съ тротуара подсмѣивались надъ происходившимъ». По 11-й линіи казаки, по свидѣтельству очевидца Александра Б., взламывали ворота дома № 52,

преслѣдуя скрывшагося тамъ человѣка. Въ больницу Маріи Магдалины доставленъ былъ съ переломомъ бедра Павелъ Никифоровъ, выскочившій изъ окна, когда казаки ворвались къ нимъ въ квартиру. По той же 11-й лин. 10-го января, студентъ С., настигнутый конными солдатами и получившій отъ нихъ ударъ шашкой по затылку, успѣлъ добѣжать до своей квартиры на Маломъ пр.; преслѣдовавшіе его солдаты устремились за нимъ по лѣстницѣ, позвонили въ квартиру, ворвались въ нее и потребовали выдачи студента съ угрозой «зарубить» перепуганныхъ женщинъ (мать и сестру С) въ случаѣ отказа; они обыскали всю квартиру, но не нашли студента, который спрятался въ чуланѣ на черной лѣстницѣ.

Вооруженные отряды, оставленные, очевидно, безъ всякаго руководства и безъ опредѣленныхъ инструкцій, дѣйствовали противъ безоружныхъ обывателей съ такимъ ожесточеніемъ, какое не допускается даже при взятіи непріятельскаго города. Въ отдѣльныхъ случаяхъ солдаты и офицеры ссылались на то, что изъ-за безпорядковъ они должны «мерзнуть на улицѣ» второй или третій день, и населеніе столицы дожно было отвѣчать за недостатокъ заботливости военнаго начальства о продовольствіи означенныхъ отрядовъ, о снабженіи ихъ горячей пищей или чаемъ, о смѣнѣ разъѣздовъ и карауловъ и т. п. Въ то же время замѣчались факты опьяненія, доводившаго солдатъ до непонятныхъ жестокостей. Такъ каменотесъ Михаилъ Байковъ, вышедшій изъ дома по Малому пр. вечеромъ, когда на улицѣ никого не было и фонари не горѣли, подвергся нападенію четырехъ пѣхотныхъ солдатъ, безъ офицера. Онъ былъ сбитъ съ ногъ, его «*лежачаго* принялись колоть штыками»; онъ потерялъ память, но затѣмъ пришелъ въ себя и кое-какъ добрался домой, откуда товарищи отвезли его въ больницу Маріи Магдалины, гдѣ у него найдено было *одиннадцать штыковыхъ ранъ* около грудной клѣтки и въ лѣвомъ боку, причемъ оказались проколотыми оба легкія. Студентъ горнаго института Починковъ, прибывшій утромъ 11-го января изъ Архангельска, около четырехъ часовъ того же числа, шелъ по направленію къ конкѣ на углу 14-й линіи и Малаго проспекта; какъ только онъ сѣлъ въ вагонъ, кто-то закричалъ: «держи студента!» На конку

вскочило нѣсколько человѣкъ; его стащили, повалили, били и топтали ногами, пока онъ не потерялъ сознанія; очнулся только въ больницѣ, но серьезныхъ поврежденій у него не оказалось. Гораздо сильнѣе пострадали заступившіеся за него вольнослушатель университета Борисъ Розовъ и слесарь Константинъ Степановъ. Первый изъ нихъ, выйдя отъ знакомыхъ на Маломъ пр., увидѣлъ скопленіе публики и конныхъ казаковъ на углу 14-й линіи, близъ вагона конки; отъ прохожихъ онъ узналъ, что казаки остановили конку, стащили студента и бьютъ его; онъ замѣтилъ только какое-то движеніе и слышалъ человѣческіе стоны. Конка пошла; казаки взяли съ собою студента и между 11-ою и 12-ою линіями стали опять бить его; тогда Борисъ Розовъ закричалъ: «перестаньте бить, вѣдь убьете!» Сзади раздался голосъ: «не кричи» и на него набросился городовой съ обнаженной шашкой; онъ хотѣлъ бѣжать, но кто-то толкнулъ его на встрѣчу городовому; тотъ сталъ рубить его по головѣ (покрытой мѣховой шапкой) съ крикомъ: «бейте его, это переодѣтый студентъ». Онъ бросился въ какія-то ворота, но его вытолкнули оттуда; онъ перепрыгнулъ черезъ какой-то палисадникъ, упалъ, опять вскочилъ и въ это время городовой почти отсѣкъ ему кисть лѣвой руки, которою онъ прикрывалъ голову. Кругомъ его были казаки; онъ сталъ просить, чтобы его не убивали и одинъ изъ казаковъ сказалъ: «довольно, тебя больше бить не будутъ». Онъ истекалъ кровью; его заставляли еще куда-то идти; одни кричали: «въ участокъ», кто-то предложилъ въ больницу. Его посадили на извозчика, рядомъ сѣлъ городовой 2-го уч. Вас. части, Игнатій Шапуханскій, которому бившіе городовые велѣли сказать въ больницѣ, что пострадавшій избитъ рабочими. Кромѣ многихъ кровоподтековъ, пораненія кисти руки и раны на головѣ до надкостнины, у него оказался еще вывихъ лѣваго плеча. Слесарь Константинъ Степановъ показалъ, что «шла конка, за ней гнались конные въ красныхъ шапкахъ (драгуны), человѣкъ десять и съ ними хулиганы, остановили вагонъ, стащили студента и стали бить, потомъ подняли и увезли». Слышались крики: «бить студентовъ!» Свидѣтель сталъ спрашивать: «за что?» Кто-то закричалъ: «бей этого въ очкахъ». Его сбили съ ногъ, онъ поднялся, но наскочили

казаки, его ударили шашкой, онъ опять упалъ, его били, разрубили пальто, наносили удары по головѣ и спинѣ; кровь текла, его отвели, подгоняя шашкой, до извозчика и повезли въ участокъ, послѣ чего онъ пробылъ двѣ недѣли въ больницѣ. По словамъ потерпѣвшаго, «казаки были пьяные, озвѣрѣлые, и на вопросъ, почему бьютъ безоружныхъ, отвѣчали: «бить васъ, сволочей, надо; изъ-за васъ третій день мерзнемъ». Ни офицера, ни унтеръ-офицера при нихъ не было; не было также никакихъ полицейскихъ чиновъ.

Такое же нападеніе было произведено 11-го января на ученика Высшаго художественнаго училища при Императорской Академіи Художествъ Владиміра М. и трехъ студентовъ Горнаго Института около 3-хъ час. дня, когда они вчетверомъ вышли изъ квартиры на обѣдъ по Малому пр. «На улицѣ—разсказываетъ Владиміръ М.—было совершенно тихо и малолюдно. На углу Малаго пр. и 7-й линіи стоялъ городовой Гавриловъ. Дальше за нимъ, по Малому пр., между 5-й и 6-й линіями, виднѣлось шесть или семь конныхъ солдатъ». Владиміръ М. и студентъ А. были впереди, двое другихъ отстали; когда первые находились у угла 7-й линіи, они услышали сзади свистокъ городового; они оглянулись и «увидѣли, что городовой Гавриловъ, подавая сигнальный свистокъ, указывалъ по направленію къ нимъ рукою». Не понимая, на кого онъ указывалъ, они осмотрѣлись вокругъ, но не замѣтили ничего такого, къ чему можно было отнести его сигналы. Между тѣмъ, городовой Гавриловъ, не переставая давать свистки, нетерпѣливо дѣлалъ знакъ рукой коннымъ солдатамъ и крикнулъ имъ: «давайте сюда, вонъ студенты». М. закричалъ товарищу: «бѣгите», и они разбѣжались въ разныя стороны; Владиміръ М. направился къ дому, гдѣ онъ живетъ, но въ двадцати шагахъ отъ воротъ дома былъ схваченъ за руку городовымъ, который занесъ надъ нимъ обнаженную шашку со словами: «Стой, а то я тебя зарублю». М. остановился, объяснилъ, что шелъ изъ дому на обѣдъ, и указалъ, гдѣ его квартира; городовой сказалъ только: «пойдемъ», и М. согласился, думая, что его сведутъ въ участокъ. Пройдя шаговъ десять или пятнадцать, онъ получилъ ударъ кулакомъ въ голову, которую едва успѣлъ

защитить рукою. Ударилъ какой-то неизвѣстный въ отрепьяхъ и вслѣдъ затѣмъ стали наносить удары шашками ведшій его городовой, подбѣжавшій городовой Гавриловъ и подъѣхавшіе конные солдаты. Удары направлялись большею частью въ голову, которую М. прикрывалъ рукою; но сильный ударъ въ позвоночный столбъ у таза заставилъ его перегнуться назадъ и отвести отъ головы руку, но потомъ онъ опять успѣлъ прикрыться и бросился въ подъѣздъ церковнаго дома. «Я побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ,—говоритъ онъ дальше въ своемъ показаніи,—но, заслыша за собою шаги, у меня явилась мысль, что укрыться мнѣ на лѣстницѣ нельзя и что сейчасъ придутъ городовые и солдаты и убьютъ меня. Тогда я рѣшилъ сойти внизъ на встрѣчу городовымъ и солдатамъ и тѣмъ дать имъ понять, что я не скрываюсь отъ нихъ, и потому надѣялся, что они послѣ этого не убьютъ меня. Съ этими мыслями сходилъ я съ лѣстницы, слыша впереди себя все время шаги. Когда я сталъ спускаться до послѣднихъ ступеней лѣстницы, до моего слуха донеслись сильный стукъ парадной двери и крикъ городового: «Я его дождусь здѣсь и убью!» Послѣ этихъ словъ я не рѣшался выйти на улицу, и не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать. Въ это время со двора вошелъ дворникъ и сталъ выгонять меня изъ подъѣзда. Когда же дворникъ поспѣшно вышелъ на улицу, я рѣшилъ, что онъ выбѣжалъ звать городовыхъ и солдатъ, и я, не медля ни минуты, бросился бѣжать вверхъ по лѣстницѣ съ намѣреніемъ стучаться въ каждую дверь, пока кто-нибудь не впуститъ меня въ квартиру. Первая дверь, которая бросилась мнѣ въ глаза, вела въ квартиру священника Д., и я позвонилъ». Дверь открылась и М. былъ спасенъ, благодаря любезности семейства Д. По кисти лѣвой руки стекала кровь, большая рана оказалась въ верхней части предплечья, другая, небольшая—въ нижней. Находившаяся случайно у священника Д. родственница, сестра милосердія, сдѣлала временную перевязку и раненаго уложили въ постель; вечеромъ, по распоряженію Д., была подана карета и его повезли въ Академію къ доктору для перевязки, а на другой день отправили въ больницу, гдѣ послѣ операціи выяснилось, что у него раздроблена локтевая кость. Товарищи его, студенты А., М. и

Кириллъ Т., успѣли спастись, переживъ моменты смертельнаго страха. «Какъ будто что-то оборвалось во мнѣ,—пишетъ Кириллъ Т.,—когда я увидалъ, что кричавшій и начавшій свистать казакамъ городовой указывалъ на насъ; но я быстро опомнился и бросился бѣжать, столкнулся у самаго угла съ повернувшимъ обратно къ своему дому М., хотѣлъ-было послѣдовать за нимъ, но какая-то внутренняя сила толкнула меня въ 7-ю линію. Помню только, что я врѣзался за А. въ толпу женщинъ, стоявшихъ у парадного подъѣзда, и силой открылъ съ нимъ дверь, которую старалась запереть на ключъ какая-то женщина, жена швейцара или дворника. Запечатлѣлось въ памяти только широкое лицо этой женщины, да сильно вышедшіе изъ орбитъ глаза, въ которыхъ виденъ былъ ужасъ; она быстро бросилась куда-то въ свою квартиру, выходившую въ этотъ корридоръ, и передъ самымъ моимъ носомъ захлопнула дверь. Счастье мое, что она это сдѣлала; иначе я, навѣрное, попалъ бы въ хорошую мышеловку. Вбѣжавъ во дворъ, мы попали въ какой-то четвероугольникъ, одна стѣна котораго выходила на Малый просп., а другая—въ какой-то садъ». Т. и А. скрылись въ бесѣдкѣ, куда попалъ также какой-то, спасавшійся отъ казаковъ, мальчикъ съ жестянкою отъ керосина. «По прошествіи нѣкотораго времени послышались слова: «Посмотри съ той стороны, въ бесѣдкѣ кто-то есть». Мы не стали ждать болѣе, перебѣжали садъ и, перебравшись черезъ заборъ, попали въ ограду церкви Благовѣщенія; тамъ мы наткнулись на какого-то господина, который проводилъ насъ на 8-ю линію, гдѣ мы сѣли въ конку».

Относительно событій 12-го января на Васильевскомъ Островѣ имѣется только одно показаніе ученика Академіи Художествъ г. N. «Около пяти часовъ вечера—говоритъ онъ—я шелъ съ женой по Малому пр.; отрядъ казаковъ ѣхалъ рядомъ съ нами по улицѣ; на тротуарахъ толпился народъ; казаки, раздѣлясь по парѣ или по двѣ пары, разъѣзжали по линіи и отдавали приказанія дворникамъ не впускать постороннихъ въ ворота; часто слышались ихъ возгласы и окрики на народъ, угрозы зарубить и т. п. На углу 7-й линіи мы замѣтили, что съ тротуара отдѣлился одинъ человѣкъ, одѣтый въ пальто и высокіе сапоги; онъ

подошелъ къ казакамъ и сдѣлалъ имъ знакъ рукой, чтобы они слѣдовали за нимъ; казаки остановились, одни поѣхали дальше впередъ, другіе повернули назадъ по направленію, куда показывалъ подошедшій человѣкъ, который энергично повторилъ свой жестъ. Въ ту же минуту раздался страшный крикъ; въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ казаки кого-то били съ плеча обнаженными шашками; густая толпа, собравшаяся около самаго мѣста происшествія, мѣшала намъ видѣть, кого бьютъ, но видно было, что жертва пыталась спастись, такъ какъ она металась то туда, то сюда. Наконецъ, раздался страшный, раздирающій душу нечеловѣческій крикъ, и въ то же время казаки отъѣхали галопомъ; толпа съ ругательствами преслѣдовала ихъ, но они скакали, не обращая ни на кого вниманія. Мы спрашивали, кого убили, и намъ передавали, что избили человѣка за то, что нашли у него подъ статскимъ пальто студенческую куртку. Мимо насъ въ это время проѣхалъ извозчикъ, конвоируемый казакомъ съ обнаженной шашкой; на пролеткѣ сидѣлъ дворникъ; навстрѣчу ѣхалъ полиціймейстеръ (или приставъ); онъ остановилъ казака, и тотъ ему что-то отрапортовалъ, дворникъ же приподнялъ полость и въ ногахъ его виденъ былъ какой-то окровавленный комъ. На слѣдующее утро, желая узнать фамилію избитаго, я справлялся въ больницѣ Маріи Магдалины и мнѣ отвѣтили, что дѣйствительно вчера пріѣзжалъ дворникъ съ окровавленнымъ человѣкомъ въ ногахъ, но его не приняли,—вѣроятно, въ виду его совершенно безнадежнаго состоянія».

Никакихъ свѣдѣній отъ полицейскихъ и воинскихъ чиновъ коммиссія въ своемъ распоряженіи не имѣетъ.

V.

Наши дѣйствующіе законы весьма точно и ясно опредѣляютъ, при какихъ условіяхъ можетъ быть призываемо содѣйствіе войска противъ обывателей, въ чемъ это содѣйствіе должно выражаться и какія обязанности возлагаются въ этихъ случаяхъ на войсковыя части и на гражданскія власти.

Въ статьѣ 113-й Устава о предупрежденіи и пресѣченіи

преступленій (т. XIV Свода законовъ изд. 1890 г.) указано, что войска могутъ быть призваны въ случаѣ нужды и недостаточности полицейскихъ средствъ, когда полиція должна заставить толпу разойтись по домамъ, если народъ соберется въ шумномъ и безпорядочномъ скопищѣ. Въ правилахъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ (приложеніе къ статьѣ 316 т. II Св. зак. изд. 1892 г.) изложено, во-1-хъ, что войска могутъ быть призываемы гражданскими властями при недостаточности полицейскихъ средствъ для охраненія порядка и внутренней безопасности» въ опредѣленныхъ, перечисленныхъ закономъ, случаяхъ, и въ числѣ этихъ случаевъ подъ цифрою 7 значится: «для предупрежденія или прекращенія народныхъ безпорядковъ и волненій».

Въ 14 и 15 пунктахъ того же приложенія къ 316-й статьѣ т. II Св. зак. объяснено, что при требованіи войскъ призывающія ихъ начальства должны указать, для чего именно необходимо содѣйствіе военной команды и цѣль, которую имѣется въ виду достигнуть. При такомъ требованіи, для упомянутаго выше предупрежденія или прекращенія народныхъ безпорядковъ и волненій, законъ обязываетъ гражданскія власти сообщать, кромѣ цѣли призыва, «чѣмъ и въ какихъ размѣрахъ проявляется безпорядокъ и поводы къ оному, а также предусматривается-ли возможность возникновенія другихъ безпорядковъ».

Наконецъ, закономъ опредѣлены и обязанности гражданскихъ и военныхъ властей. Опредѣленіе времени, когда при народныхъ безпорядкахъ и волненіяхъ «войска должны приступить къ дѣйствію оружіемъ, зависитъ отъ усмотрѣнія гражданскаго начальства», какъ сказано въ 16 пунктѣ приложенія къ 316 статьѣ т. II, при чемъ выражено, что указаніе по этому предмету оно даетъ начальнику воинскаго отряда «не иначе, какъ исчерпавъ всѣ зависящія отъ него средства къ усмиренію неповинующихся», и прибавлено, что во все время пребыванія войска на мѣстѣ призыва гражданскія и военныя власти сообщаютъ одна другой всѣ получаемыя свѣдѣнія и оказываютъ взаимную помощь. По 20 пункту того же приложенія, «гражданское начальство принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы во время дѣйствія войскъ оружіемъ не постра-

дали лица, неприкосновенныя къ безпорядкамъ или волненіямъ». По 21 пункту гражданское начальство сохраняетъ во время дѣйствія войскъ «всѣ предоставленныя ему по закону права и возложенныя на него обязанности», и на него же возлагается по 22 пункту попеченіе о раненыхъ во время дѣйствія оружіемъ лицахъ. По достиженіи цѣли содѣйствія военной силы всѣ распоряженія по охраненію общественнаго порядка переходятъ исключительно на мѣстныя гражданскія власти.

Съ другой стороны, и обязанности военныхъ властей при подавленіи народныхъ безпорядковъ и волненій точно такъ же обстоятельно изложены въ законахъ гражданскихъ и военныхъ.

Въ 17 пунктѣ указаннаго приложенія къ 316 статьѣ опредѣлено, что военное начальство, получивъ указаніе о необходимости прибѣгнуть къ дѣйствію оружіемъ, «приступаетъ къ означенному дѣйствію только послѣ предваренія неповинующихся о томъ, что послѣ троекратнаго сигнала на трубѣ, горнѣ или барабанѣ начнется дѣйствіе оружіемъ», но «съ тѣмъ, чтобы къ огнестрѣльному дѣйствію вообще прибѣгать только въ случаѣ неизбѣжной необходимости, когда никакими другими способами нельзя будетъ прекратить безпорядокъ». Примѣчаніе къ этому 17 пункту разъясняетъ еще, что «военному начальству не воспрещается, до упомянутаго въ сей статьѣ предваренія, прибѣгать вообще къ увѣщательнымъ средствамъ, насколько таковыя имъ признаются возможными», а пунктъ 18 добавляетъ, что безъ означеннаго въ пунктѣ 17 предваренія и безъ указанія гражданскаго начальства войскамъ дозволяется прибѣгать къ дѣйствію оружіемъ лишь въ крайней необходимости, при чемъ опредѣляется и самое понятіе крайней необходимости, а именно «когда сдѣлано будетъ нападеніе на войска или когда окажется нужнымъ спасти быстрымъ дѣйствіемъ жизнь лицъ, подвергшихся насилію со стороны возмутившихся». 19 пунктъ говоритъ, что когда цѣль содѣйствія военной силы достигнута, военное начальство прекращаетъ дальнѣйшія самостоятельныя распоряженія и сообщаетъ о томъ гражданскому начальству. 22 пунктъ приложенія къ 316 статьѣ возлагаетъ и на военное начальство обязанность содѣйствовать попеченію гражданскаго

начальства о раненыхъ, не принадлежащихъ къ составу прибывшихъ войскъ.

Такого же рода постановленія содержатся въ правилахъ объ употребленіи оружія полицейскими и жандармскими чинами (прилож. къ ст. 688 т. II Св. зак.).

Обращаясь къ вопросу, въ какой мѣрѣ соблюдались во время описанныхъ выше событій 9—11 января приведенные законы объ употребленіи оружія противъ обывателей, комиссія находитъ:

1) что прежде чѣмъ обратиться къ призыву войскъ для противодѣйствія движенію рабочихъ къ Дворцовой площади, гражданская власть не дѣлала и не предпринимала никакихъ попытокъ предупредить назначенное на 9 января шествіе мирными способами и потому не имѣла случая удостовѣриться въ «недостаточности полицейскихъ средствъ для охраненія порядка и внутренней безопасности», какъ это требуется для призыва воинской силы по смыслу перваго пункта приложенія къ ст. 316 т. II Св. зак.

2) что гражданское начальство, въ противность 16 и 21 пунктамъ указаннаго приложенія къ ст. 316, не проявляло своего участія въ принимаемыхъ мѣрахъ для прекращенія уличныхъ сборищъ въ день 9 января и нигдѣ не опредѣляло момента, когда надлежало приступить къ дѣйствію оружіемъ, въ случаѣ неповиновенія толпы мирнымъ увѣщаніямъ; вслѣдствіе чего повсюду было нарушено правило, по которому гражданское начальство прибѣгаетъ къ вооруженной силѣ «не иначе, какъ исчерпавъ всѣ зависящія отъ него средства къ усмиренію неповинующихся» (п. 16);

3) что воинскіе отряды во многихъ случаяхъ дѣйствовали оружіемъ безъ надлежащаго, яснаго и доступнаго толпѣ предваренія о троекратныхъ сигналахъ, послѣ которыхъ начнется употребленіе силы, и часто также безъ всякихъ сигналовъ, или безъ достаточныхъ промежутковъ между сигналомъ и дѣйствіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно упускалось изъ виду предписаніе закона, чтобы «къ огнестрѣльному дѣйствію прибѣгать, вообще, только въ случаяхъ неизбѣжной необходимости, когда никакими другими способами нельзя будетъ прекратить безпорядокъ» (п. 17);

4) что, вопреки 20 пункту того же приложенія къ ст. 316, гражданское начальство не принимало никакихъ мѣръ къ тому, «чтобы во время дѣйствія войскъ оружіемъ не пострадали лица, неприкосновенныя къ безпорядкамъ или волненіямъ», и безъ всякой нужды допущена была стрѣльба по самымъ люднымъ улицамъ Петербурга, при обычномъ и никѣмъ не остановленномъ движеніи мирной публики, вслѣдствіе чего было убито и ранено много случайно проходившихъ лицъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей;

5) что, сверхъ употребленія воинской силы противъ шествія и сборищъ рабочихъ 9 января, военные и полицейскіе отряды въ разныхъ мѣстахъ города, съ 9 по 12 января, употребляли оружіе противъ отдѣльныхъ, случайно попадавшихся лицъ, при отсутствіи какихъ бы то ни было сборищъ, останавливали вагоны конно-желѣзной дороги для расправы съ пассажирами, врывались съ оружіемъ въ частные дома и рубили шашками ни въ чемъ неповинныхъ, безоружныхъ людей,—каковыя дѣйствія заключаютъ въ себѣ признаки уголовныхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ Воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ и Уложеніемъ о наказаніяхъ.

Сопоставленіе всего имѣющагося фактическаго матеріала приводитъкъ несомнѣнному заключенію о томъ, что 9 января, ко времени прихода рабочихъ изъ окраинъ города по Нарвскому шоссе, по Шлиссельбургскому тракту, по набережной Васильевскаго Острова и къ Троицкому мосту, также какъ и ко времени прихода къ площади у Зимняго Дворца, вездѣ были заранѣе расположены войсковыя части, и никакихъ представителей высшей полицейской власти на мѣстѣ не было.

Это, въ свою очередь, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что высшая полицейская власть, которая въ городѣ С.-Петербургѣ, согласно со статьями 862 и послѣдующими т. II, изданія 1892 г., ввѣрена градоначальнику, пользующемуся правами и обязанностями губернатора, еще до появленія шествія рабочихъ устранила себя отъ всякаго участія въ дѣлѣ исполненія обязанностей, возложенныхъ на нее приведенными выше статьями законовъ и приложеніемъ къ ст. 316 т. II.

Приглашеніемъ воинскихъ частей еще до появленія скопищъ рабочихъ гражданскія власти признали существованіе такихъ народныхъ безпорядковъ и волненій, которые невозможно прекратить безъ содѣйствія воинской силы (ст. 1, 14, 15, 19 приложенія къ 316 статьѣ т. II). Но на чемъ это было основано, изъ имѣющихся свѣдѣній заключить невозможно. Напротивъ того, изъ имѣющихся данныхъ дѣла оказывается, что вся толпа или, говоря языкомъ закона, скопище имѣло въ виду не какіе-либо безпорядки или волненія, а только подачу Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія.

Уже это одно составляетъ для гражданскаго начальства (с.-петербургскаго градоначальника) такое нарушеніе служебнаго долга, которое подлежитъ дѣйствію 338, 339, 2 ч. 341 статьи Улож. о наказ.

Но этимъ не ограничивается нарушеніе служебнаго долга с.-петербургскимъ градоначальникомъ и другими должностными лицами с.-петербургской городской полиціи, упомянутыми въ 888—890 статьяхъ т. II, изд. 1892 г. Тотъ фактъ, что къ моменту прибытія рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ столицы были выставлены войсковыя части, долженствовавшія воспрепятствовать ихъ движенію, самъ по себѣ, въ связи со всѣми другими приведенными выше свѣдѣніями, доказываетъ, что столичная полицейская власть заблаговременно знала о намѣреніи рабочихъ идти съ прошеніемъ Государю Императору. Если такое дѣйствіе должно или можно было считать безпорядкомъ и неповиновеніемъ законной власти, то градоначальникъ обязанъ былъ сдѣлать распоряженіе относительно объявленія о томъ собиравшимся идти съ такимъ прошеніемъ и «вразумить заблуждавшихся», согласно 317 ст. и 4-му пункту приложенія къ той же 317 статьѣ т. II свода законовъ, изд. 1892 г. Не сдѣлавъ этого, не сообщивъ никому, что идти съ такимъ прошеніемъ нельзя, не сдѣлавъ объ этомъ никакихъ ни словесныхъ, ни письменныхъ объявленій, оставивъ, напротивъ того, свободное по городу обращеніе всѣхъ обывателей, предоставивъ полицейскимъ чинамъ на пути слѣдованія рабочихъ сопровождать ихъ, какъ совершающихъ законное дѣйствіе, градоначальникъ и всѣ подчиненные ему полицейскіе чины являются виновными

въ неисполненіи своей обязанности и отвѣтственными по тѣмъ же статьямъ Улож. о наказ.

И это еще не исчерпываетъ всей мѣры отвѣтственности какъ градоначальника, такъ и другихъ должностныхъ лицъ с.-петербургской городской полиціи, такъ какъ по самому характеру настроенія рабочихъ, направлявшихся къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ этомъ движеніи нельзя было видѣть такихъ безпорядковъ и волненій, которые должны были требовать содѣйствія войсковыхъ частей. Заранѣе было извѣстно, что рабочіе шли безоружные; никакого намѣренія совершать какія-либо насильственныя со стороны просителей дѣйствія въ виду не имѣлось; единственная цѣль всего шествія было обращеніе къ Императору съ просьбою; никакою опасностью такая цѣль никому угрожать не могла. Поэтому для гражданской власти не являлось тутъ необходимости передавать всю власть въ руки воинскаго начальства и отстраняться отъ исполненія своихъ прямыхъ, указанныхъ въ законѣ, обязанностей. И здѣсь опять отвѣтственность по тѣмъ же ст. Улож. о наказ.

При обсужденіи дѣйствій гражданскаго начальства нельзя не остановиться на томъ еще соображеніи, что по закону гражданское начальство принимаетъ всѣ, зависящія отъ него, мѣры къ тому, чтобы во время дѣйствія войскъ оружіемъ не пострадали лица, неприкосновенныя къ безпорядкамъ или волненіемъ, и къ тому, чтобы оказать попеченіе о раненыхъ во время дѣйствія оружіемъ. Ничего подобнаго со стороны с.-петербургскаго градоначальника и всѣхъ участковыхъ приставовъ изъ имѣющихся свѣдѣній не видно, а потому и здѣсь опять они всѣ являются отвѣтственннми по тѣмъ же статьямъ Улож. о наказ. Какъ выше замѣчено, никакихъ объявленій о томъ, чтобы нельзя было ходить въ тѣхъ или другихъ частяхъ города, чтобы слѣдованіе по тѣмъ или другимъ улицамъ было запрещено, чтобы проходъ рабочихъ или студентовъ считался неправильнымъ или запрещеннымъ — никакихъ подобныхъ объявленій и предостереженій сдѣлано не было, и никакихъ, слѣдовательно, мѣръ, чтобы не пострадали лица, неприкосновенныя къ безпорядкамъ, — не принято и, очевидно, не могло быть принято, разъ гражданскія власти

не находились рядомъ съ военными властями, а совершенно отсутствовали.

Для лицъ, подвергшихся послѣдствіямъ такого неисполненія должностными лицами своихъ обязанностей, открывается прямое право на отыскиваніе судомъ убытковъ, причиненныхъ имъ отъ дѣйствія войскъ оружіемъ.

Наконецъ, какъ сказано уже выше, цѣлая серія приведенныхъ при изложеніи фактической стороны дѣла случаевъ устанавливаетъ, что отдѣльные полицейскіе чины употребляли оружіе, когда никакихъ не только народныхъ безпорядковъ и волненій, но и никакихъ даже скопищъ не было, и причиняли насильственныя дѣйствія отдѣльнымъ, ни въ чемъ не повиннымъ обывателямъ. Такого рода насилія могли имѣть мѣсто только при отсутствіи надлежащаго за ними наблюденія со стороны начальствующихъ лицъ, а потому какъ сами эти полицейскіе чины подлежатъ указанной въ законѣ отвѣтственности, такъ и начальство ихъ—за недостаточное за ними наблюденіе; первые—по ст. 1458, 1465, 1481, 1484 Улож. о наказ., а вторые—по 338, 399, 2 ч. 341, 404 ст. и послѣд.

Неправильность дѣйствій и отвѣтственность гражданскаго начальства нисколько не избавляетъ согласно закону и воинскія власти отъ отвѣтственности за свои дѣйствія, которыя законъ предоставляетъ полному ихъ усмотрѣнію.

Какая именно задача поставлена была воинскимъ частямъ со стороны власти гражданской, этого мы въ точности установить не можемъ. Но изъ всѣхъ собранныхъ данныхъ должно придти къ заключенію, что цѣлью было воспрепятствованіе рабочимъ идти толпою далѣе тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ проходъ былъ прегражденъ имъ войсковыми частями. Отсюда на обязанности воинскихъ начальниковъ лежало, прежде всего, ясно и положительно потребовать отъ рабочихъ, чтобы они дальше тѣхъ мѣстъ не шли, а возвращались назадъ; затѣмъ воинскія власти должны были точно также ясно и вразумительно предупредить рабочихъ, что если они не уйдутъ, то противъ нихъ будетъ употреблена сила и что употребленіе силы выразится въ дѣйствіи оружіемъ, сначала холоднымъ, а затѣмъ—огнестрѣльнымъ. Послѣ этого власти должны были выждать время, необходимое для того, чтобы

требованіе ихъ было исполнено. И только въ случаѣ неисполненія ихъ требованія и новаго предупрежденія о томъ, что будетъ употреблено въ дѣло оружіе,—употребить дѣйствительно силу прежде безъ огнестрѣльнаго оружія, а послѣ всего уже огнестрѣльное оружіе.

Ничего подобнаго сдѣлано не было. Только на Шлиссельбургскомъ шоссе и въ одномъ мѣстѣ у площади Зим няго дворца были нѣкоторые разговоры и предупрежденія со стороны воинскаго начальства. Въ другихъ же мѣстахъ этого вовсе сдѣлано не было. Поэтому начальники частей, командовавшіе у Нарвскихъ воротъ, у Троицкаго моста, на набережной Васильевскаго Острова, у Пѣвческаго и у Полицейскаго мостовъ подлежатъ отвѣтственности по указаннымъ ниже статьямъ свода военныхъ постановленій.

Такой же отвѣтственности могутъ подлежать командовавшіе частями, которыя производили выстрѣлы вдоль улицы, раздѣляющей Адмиралтейство отъ рѣшетки у Зимняго дворца и отъ площади Зимняго дворца вдоль Александровскаго сада по направленію къ Исаакіевскому собору. Но еще большей отвѣтственности безусловно должны подлежать начальники тѣхъ воинскихъ частей, которыя стрѣляли такимъ образомъ, что попадали въ людей и дѣтей, бывшихъ за рѣшеткою Александроввкаго сада. Находившіеся за рѣшеткою въ саду не могли принадлежать къ рабочимъ, имѣвшимъ подать прошеніе Государю Императору, и предполагавшимся участникамъ въ безпорядкахъ. Такое распоряженіе, которое явно грозило причинить и дѣйствительно причинило смерть многимъ, рѣшительно ни въ чемъ неповиннымъ, не можетъ оставаться безъ самаго строгаго изслѣдованія и должно влечь за собою самую серьезную по закону отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что представляется совершенно невозможнымъ допустить предположеніе, чтобы нельзя было удалить толпу, если это нужно было, съ той части улицы, которая отдѣляетъ площадь Зимняго дворца отъ рѣшетки Александровскаго сада, безъ необходимоети стрѣлять въ нее.

Коммиссія лишена возможности назвать имена и фамиліи тѣхъ воинскихъ чиновъ, на уголовную отвѣтственность которыхъ здѣсь указывается; но свѣдѣнія о нихъ, разу-

мѣется, находятся у войскового начальства, которое и можетъ указать ихъ заинтересованнымъ лицамъ.

Такими заинтересованными являются семьи убитыхъ и раненыхъ и сами потерпѣвшіе отъ ранъ и другихъ поврежденій. Они могутъ предъявить гражданскія требованія о возмѣщеніи имъ убытковъ, понесенныхъ отъ противузаконныхъ дѣйствій тѣхъ должностныхъ лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомства, которыя виновны въ приведенныхъ выше нарушеніяхъ служебнаго долга.

Въ отношеніи гражданской отвѣтственности въ видахъ возмѣщенія убытковъ отъ незаконной стрѣльбы, отвѣтственными передъ потерпѣвшими являются тѣ начальники воинскихъ частей, которые дѣлали незаконныя распоряженія.

Остается совершенно неизвѣстнымъ, почему и на какомъ основаніи начальники воинскихъ частей первую встрѣчу свою съ шедшими безоружными рабочими начинали со стрѣльбы въ нихъ. При проходѣ рабочихъ по Шлиссельбургскому тракту, начальствовавшій тамъ офицеръ входилъ въ объясненія съ толпою и убѣждалъ ее уйти, а затѣмъ ограничился употребленіемъ холоднаго оружія и смертельныхъ случаевъ тамъ не произошло. Но, если бы даже и было распоряженіе высшаго военнаго начальства относительно стрѣльбы, оно не могло бы освободить отъ гражданской отвѣтственности тѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ, которые его исполнили, такъ какъ подобное распоряженіе, какъ явно незаконное, не должно было быть исполнено мѣстными начальниками. Являясь самостоятельными исполнителями закона въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда они были назначены, эти отдѣльные начальники, во всякомъ случаѣ, должны были исполнить всѣ велѣнія закона, направленнаго къ огражденію жизни и здоровья гражданъ.

Одинъ изъ свидѣтелей, разъясняя обстоятельства, при которыхъ произведена стрѣльба на площади Зимняго дворца, указываетъ, что тамъ передъ стрѣльбою былъ данъ, по его мнѣнію, приказъ стрѣлять отъ какого-то генерала. Если это было такъ, то отвѣтственнымъ лицомъ является этотъ генералъ, какъ мѣстный начальникъ.

Предъявленіе обвиненій и гражданскихъ исковъ, разумѣется, весьма затруднительно для пострадавшихъ, такъ какъ имъ могутъ быть неизвѣстны имена тѣхъ начальни-

ковъ, къ которымъ можно предъявлять иски. Но заинтересованные могутъ обратиться къ командующему войсками съ просьбами о сообщеніи имъ свѣденій о войсковыхъ частяхъ и о начальникахъ ихъ для возбужденія тѣхъ дѣлъ, которыя они признаютъ нужнымъ начать, а если командующій войсками не пожелаетъ дать эти свѣдѣнія, то потерпѣвшіе могутъ обратиться съ обвиненіями и съ исками противъ иего, какъ укрывающаго дѣйствительно виновныхъ.

На основаніи изложеннаго, коммиссія приходитъ къ заключенію, что на нѣкоторыхъ изъ лицъ административнаго и военнаго вѣдомствъ, распоряжавшихся въ дни 9-го—11-го января 1905 г. въ С.-Петербургѣ дѣйствіями полицейскихъ и воинскихъ частей, упадаетъ обвиненіе въ слѣдующихъ преступленіяхъ:

I. На с.-петербургскаго градоначальника упадаетъ обвиненіе въ томъ:

1) что, будучи по закону обязаннымъ указывать призваннымъ войсками моментъ приступа къ дѣйствію, онъ 9 января 1905 г. допустилъ безъ крайней къ тому необходимости дѣйствіе войсковыхъ частей оружіемъ на улицахъ С.-Петербурга противъ мирнаго населенія, послѣдствіемъ чего были смерть и пораненія многихъ сотенъ лицъ;

2) что тамъ же и тогда же онъ, вопреки закону, не принялъ надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы, при дѣйствіи оружіемъ войсковыхъ частей, не подвергались опасности жизнь и здоровье мирныхъ гражданъ столицы, а именно—не пріостановилъ движенія публики на тѣхъ улицахъ и мѣстахъ, на коихъ было пущено въ дѣйствіе огнестрѣльное оружіе, послѣдствіемъ каковаго бездѣйствія власти были смерть и пораненія многихъ сотенъ лицъ;

3) что тогда же и тамъ же, по прекращеніи уже уличныхъ «скопищъ», не принялъ соотвѣтствующихъ мѣръ къ огражденію мирнаго населенія столицы отъ нападеній и насилій со стороны войсковыхъ и полицейскихъ частей, послѣдствіемъ чего были многочисленныя пораненія и даже смерть нѣсколькихъ лицъ;

4) что тогда и тамъ же, имѣя возможность предотвратить нападенія на частное имущество гражданъ, не принялъ

надлежащихъ къ тому мѣръ, послѣдствіемъ чего были разгромъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столицы торговыхъ помѣщеній и расхищеніе находившихся въ нихъ товаровъ. Описанныя преступныя дѣйствія предусмотрѣны ст. 338, 339 и 2 ч. 341 Улож. о нак.

II. На полицеймейстеровъ, приставовъ, помощниковъ ихъ и околоточныхъ надзирателей с.-петербургской столичной полиціи (имена ихъ могутъ быть установлены въ точности лишь надлежащимъ оффиціальнымъ разслѣдованіемъ) упадаетъ обвиненіе въ томъ, что каждый изъ нихъ, неся по мѣрѣ предоставленной ему власти обязанность охраненія личной и имущественной безопасности населенія столицы, совершилъ описанныя выше сего въ 2, 3 и 4 преступныя дѣйствія, каковыя дѣйствія предусмотрѣны 339, 2 ч. 341 и 1484 и 1481 Улож. о нак.

III. На начальниковъ отдѣльныхъ конныхъ и пѣшихъ войсковыхъ частей, призванныхъ 9-го — 11-го января къ содѣйствію гражданскимъ властямъ оружіемъ, упадаетъ обвиненіе въ томъ, что, вопреки прямому предписанію закона и циркуляру Главнаго Штаба отъ 12-го августа 1898 г., за № 201, они, не исчерпавъ въ отношеніи собравшейся у Нарвской заставы, Дворцоваго моста, Александровскаго сада и Полицейскаго моста толпы всѣхъ мѣръ предупрежденія и не прибѣгнувъ затѣмъ къ предварительному воздѣйствію холоднымъ оружіемъ, отдали, безъ крайней къ тому необходимости, приказъ о производствѣ стрѣльбы въ безоружныхъ людей, причемъ таковая совершалась безъ надлежащихъ интерваловъ между отдѣльными ружейными залпами, вслѣдствіе чего лица, бывшія въ толпѣ, лишены были возможности исполнить требованіе объ удаленіи, а многіе изъ тѣхъ, кои удалились, были настигнуты пулями и убиты или поранены. Означенное преступленіе предусмотрѣно 144, 145 и 78 ст. Уст. воинск. о нак.

IV. На начальниковъ патрулей, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ С.-Петербургской, Василеостровской, Московской и Спасской частей упадаетъ обвиненіе въ томъ, что 9-го, 10-го и 11-го января 1905 г., по отвращеніи всякой для общественнаго спокойствія опасности, допустили, въ описанныхъ выше сего случаяхъ, нападеніе подчиненныхъ имъ лицъ на мирныхъ обывателей, послѣдствіемъ чего были

пораненія и даже смерть нѣсколькихъ лицъ. Означенное преступленіе предусмотрѣно ст. 144 и 150 Уст. воинск. о нак.

Изложеннаго взгляда на условія и предѣлы употребленія оружія при содѣйствіи властямъ гражданскимъ придерживается, какъ усматривается изъ циркуляра Главнаго Штаба отъ 12-го августа 1898 г., за № 201, и высшая военная власть.

Отмѣчая въ этомъ циркулярѣ наблюдавшееся нарушеніе воинскими чинами правилъ употребленія оружія, военный министръ, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, объявилъ по военному вѣдомству, для свѣдѣнія и руководства, что, какъ начальники военныхъ командъ, наряжаемыхъ на основаніи воинскихъ уставовъ о внутренней и гарнизонной службахъ для несенія патрульной, конвойной, а равно военно-полицейской службы, такъ и отдѣльные воинскіе чины, находящіеся при исполненія обязанностей той же службы, при оцѣнкѣ обстоятельствъ, вызывающихъ необходимость прибѣгнуть къ силѣ, должны сообразоваться не только съ правилами, предписанными для сего военнымъ карауламъ въ Уставѣ о службѣ гарнизонной, а въ подлежащихъ случаяхъ и особыми правилами, приложенными къ § 12 того же Устава, но также и постановленіями ст. 277 Воинск. уст. о нак. и 1471 Улож. о нак., въ коихъ опредѣлены условія, освобождающія отъ отвѣтственности за послѣдствія употребленія въ дѣло оружія. Подтверждая необходимость строгаго исполненія какъ высшими, такъ и низшими воинскими чинами этихъ правилъ, военный министръ приказалъ подтвердить войскамъ, «что употребленіе оружія въ мирное время, вызываемое крайними, указанными въ законѣ обстоятельствами, должно соотвѣтствовать воинскимъ достоинству и доблести, охраняя которыя, каждый солдатъ обязанъ помнить, что всякое напрасное, не вызываемое необходимостью и противное закону, дѣйствіе силою въ отношеніи мирныхъ гражданъ ложится темнымъ пятномъ на армію и влечетъ за собою строгую предъ судомъ отвѣтственность».

Всѣ эти соображенія коммиссія постановила: во-1-хъ, доложить Общему Собранію присяжныхъ повѣренныхъ, и во-2-хъ, предложить ему сдѣлать постановленіе о томъ, чтобы заключеніе это было сообщено гг. сенаторамъ и

оберъ-прокурорамъ Правительствующаго Сената, гг. министрамъ—Юстиціи, Военному и Внутреннихъ Дѣлъ, прокурору С.-Петербургской судебной палаты и главному военному прокурору, для возбужденія противъ виновныхъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ надлежащаго уголовнаго преслѣдованія.

С.-Петербургъ, май 1905 г.

Предсѣдатель коммиссіи *А. Турчаниновъ.*

Члены: *М. Винаверъ.*
О. Грузенбергъ.
В. Люстихъ.
А. Пассоверъ.
П. Потѣхинъ.
Л. Слонимскій.
В. Плансонъ (одинъ изъ кандидатовъ).

